

ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ: СТРАНА

Е. Г. Милюгина, М.В. Строганов**ТЕКСТ ПРОСТРАНСТВА****Фрагменты словаря «Русская провинция»*****Часть вторая¹**

Словарь «Русская провинция» — первый в отечественной науке опыт комплексного осмысления и междисциплинарного описания пространства как носителя культуры. Необходимость его создания вызвана тем, что большинство современных разысканий в области культурного пространствоведения ограничиваются постановкой частных задач и потому оказываются односторонними: эти исследования касаются либо социологии пространства (провинциаловедение), либо мифологии пространства (локальные тексты), либо политологии пространства (областничество). Практически все из них отличаются произвольным выбором объектов для анализа, порой идеологизированностью используемых схем, а главное — отсутствием системного видения предмета. При таком подходе к проблеме невозможно, на наш взгляд, осмыслить и понять исторически сложившийся образ России как совокупности местных культурных сообществ и традиций.

Впервые идея создания словаря терминов, связанных с изучением провинциального текста, сформировалась в 2005 году. Словник этого словаря, составленный М. В. Строгановым и А. Ф. Белоусовым, был обсужден на Круглом столе «Современное провинциаловедение: задачи и методы изучения» в Курске; важные замечания и дополнения по содержанию и структуре словника сделали П. А. Клубков, В. Ш. Кривонос, Д. К. Равинский и Е. Н. Строганова [1]. С тех пор словник неоднократно перерабатывался, но общая структура его оставалась прежней.

Структура подготовленного нами Словаря включает следующие тематические разделы: Провинция как геополитическое понятие и административная единица; Провинция в системе децентрализованных исследований; Провинция в системе социальных иерархий; Пространство как текст; Типы общественного самосознания и социальной психологии; Литературные образы провинции. Основу Словаря составили исследования феномена русской провинции в системе самых разнообразных измерений и координат. В их числе — сопоставление геополитических и административных характеристик, анализ социальных иерархий столицы / провинции, мейнстрима / маргинальности, уяснение причин и форм текстуализации пространства, факто-

ров возникновения естественных и создания искусственных локальных текстов, описание типов общественного самосознания и социальной психологии, а также литературных образов провинции.

В качестве источников словарных статей в Словаре используются исторические, геополитические и социально-экономические сведения о включенных в словник регионах, рассматриваемых как локальные тексты; фольклорные и литературные произведения, отражающие провинциальную психологию, топику, феноменологию и сюжетику; градостроительные описания, архитектурные, скульптурные, живописные и графические произведения, запечатлевшие топику и феноменологию провинции; научные исследования провинции в системе децентрализованных и социальных измерений, запечатлевшие типы общественного самосознания и социальной иерархии.

Главные цели создания Словаря мы видим в обобщении результатов научных исследований пространства как носителя культуры, полученных отечественными и зарубежными учеными за полтора века развития этой отрасли знаний. В процессе работы над Словарем выработана и апробирована специальная комплексная методология исследования пространства провинции как носителя культуры, основанная на смысловом разграничении принципов провинциаловедения, областничества, исследования локальных текстов, краеведения (регионоведения) и органическом соединении их отдельных элементов. Методологию отличает междисциплинарный характер и семиотический подход.

Гарантом фундаментальности проведенных исследований стала аналитическая систематизация существующей на сегодня отечественной и зарубежной научной литературы о пространстве как носителе культуры; эта работа отражена в составленной в соответствии со сформированным словником тематической библиографии к статьям.

Список литературы и источников

1. Материалы Круглого стола «Современное провинциаловедение: задачи и методы изучения» // Пространство культуры и стратегии исследования: статьи и материалы о русской провинции. XX Фетовские чтения. — Курск: Курский гос. ун-т, 2006. — С. 249—255.

Примечания

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта по подготовке научно-популярного издания «Русская провинция: словарь», проект № 11-44-93009к. В подготовке материалов приняли участие студенты филологического факультета Тверского государственного университета Л. С. Быша, Е. М. Карпова, Е. А. Чистякова (см. подписи к статьям Словаря).*

ⁱ Первая часть словаря опубликована в журнале «Лабиринт» №2, 2012.

Провинциал/-ка в столице. В России, как ни в какой другой стране, остро чувствуется разделение жизни на столичную и провинциальную. Русскую провинцию можно назвать государством в государстве, живущим по своим законам, со своими порядками и нормами поведения. «Между центром и провинцией сложились отношения, содержащие элементы конфликтов и противоречий, вызванные тем, что гипертрофия центра объективно ведет к упадку провинции. Дихотомия "центр — провинция" на протяжении вот уже нескольких веков российской истории воспроизводит расщепленный тип общественного развития: с одной стороны, модернизирующий центр, с другой — противостоящий ему мир провинции, подвергающийся модернизации» (Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. М., 1992. С. 34).

Отсталость и затхлость русской глубинки постепенно сформировали представление о том, что «все губернские города похожи друг на друга. Посмотри на один — все будешь знать» (*Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 218). Провинциалы и жители столицы находятся словно в разных пространствах, поэтому особенно интересной является ситуация, когда, например, жители глубинки попадают в столичный мир, чужой и неприветливый для них, но очень заманчивый и соблазнительный.

Сюжет «П. в. с.» появляется в литературе примерно с конца 1810-х гг. и является одним из признаков формирования оппозиции *п р о в и н ц и я / с т о л и ц а* и дифференциации героев по локальному признаку. Одним из первых этот сюжет развивает М.Н. Загоскин в комедии «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице» (1817). «Загоскин выводит на авансцену наивного провинциала, который становится смешной жертвой увлечения внешней стороной столичной жизни и мнимыми достоинствами титулованной петербургской знати. Автор как будто не дает явных оснований предполагать, что поведение Богатонова типично для всех поголовно провинциальных выходцев: главного героя избавляет от заблуждений его приятель, также провинциальный житель, однако упоминание внесценических персонажей, подобных Богатонову, закрепляет за типом провинциала качества, присущие этому герою» (*Строганова Е. Н.* «Миньятурный мир» провинции в русской прозе 1830-х — первой половины 1840-х годов // *Русская провинция: миф — текст — реальность.* С. 198). Продолжает эту тему А.Ф. Вельтман в повести «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице» (1841). Начинаящий поэт Ордынин приезжает в столицу вместо того, чтобы поступать в Харьковский университет, куда его отправили заботливые родители, снабдив необходимой суммой денег. Обманом он получает еще тысячу рублей на расходы от тех же доверчивых родителей. Герой нанимает лучший номер в дорогой гостинице «Лондон», шьет платье по последней моде и ни в чем себе не отказывает. Благодаря своему товарищу Айголову юный поэт попадает в высший свет. Ордынин наивен и неопытен, верит всем лестным словам, сказанным в его адрес. Но публика все же замечает сходство стихов молодого гения со стихами Державина и других поэтов прошлого

времени. Позже Ордынин узнает, что был лишь временной забавой на вечере: «Дело вот в чем: для восхищений хозяина этого дома нужен был сегодня не ты, а вот этот человек с звездочкой на фраке. Необходимо было, во-первых, окружить его обществом, во-вторых, приятно занять. Дать бал — некстати; просто званый вечер — нет причины; и, следовательно, ему нужна была приманка и, если можно, подешевле, потому что он скряга. <...> Вот, тебя привезли сюда как фокусника, а нас приманили на гения. Удивительно ли, что все в восторге от твоих творений?» (*Вельтман А.Ф.* Повести и рассказы. М., 1979. С. 256–257). Выясняется, что стихи Ордынина были скучными, как проповедь, мужчины в это время лорнировали дам, а те «произносили ничего не значащее в свете *charmant!*» (с. 257). Новоиспеченного гения воспринимают как забаву, которой хозяин вечера угощает общество, как предмет, с которого можно начать разговор с нужным человеком. «Вот, мой милый, на каком подножии твоя слава» (с. 257) — эти слова открывают Ордынину глаза на его место в свете.

С самого начала описания жизни провинциалов в столице в разных произведениях встречается одинаковая мораль: напрасно «провинциальная интеллигенция, в настоящее время валом валит в Петербург. Все думается: не полегче ли будет? не совершится ли чудо какое-нибудь? не удастся ли примазаться хоть к краешку какой-нибудь концессии, потом сбывать свое учредительское право, и в сторону» (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Дневник провинциала в Петербурге // Собр. соч.: в 20 т. М., 1970. Т. 10. С. 542). Поступки провинциалов понятны, они бегут от тоски, от бездействия у себя дома, но и в столице не находят для себя места.

Русская литература развивает образ провинциала в столице, но оставляет без внимания провинциалку. Это вполне оправдано: женщины XIX в. приезжали в столицу только для поиска выгодной партии или после замужества, в редком случае для учебы. Женщина ограничена в свободе действий, да и авантюризм не в ее характере. Зато в XX в. ситуация меняется, разные коллизии в столице происходят не только с провинциалами, но и с провинциалками. Например, в повести Т. Жариковой «Провинциалка» сразу две героини-провинциалки, в разное время и с разными целями приехавшие в Москву. Наташа и Валя когда-то были влюблены в одного молодого человека, потом их судьбы разошлись. Валя делает аборт, приезжает в столицу, удачно выходит замуж, ведет безбедное существование. Наташа же остается в провинции, рождает ребенка для себя, но потом также приезжает в Москву, чтобы найти отца своего сына, Джанкина, который уже давно проживает в столице. Наташа останавливается у Вали, но подруга не испытывает особой радости, ей кажется, что муж будет против нежданной гости, да еще и с ребенком. Обстоятельства сводят давно любивших друг друга Валу и Джанкина, но у Джанкина есть и новая возлюбленная, Машенька, дочка богатых родителей, жениться на которой герою очень выгодно. История Наташи вполне предсказуема: муж Вали, Евгений Палыч, оказывается, уже давно мечтает о детях, и неожиданно появившаяся Наташа оказывается очень кстати, герои проникаются взаимной симпатией, финал их отношений вполне прозра-

чен. История Вали и Джанкина кончается менее благополучно: неожиданно пришедшая Машенька застаёт Джанкина вместе с Валей, любовный треугольник рушится. Таким образом, писательница даёт два финала сюжета «провинциалка в столице»: обе героини остаются в Москве, однако Наташа обретает счастье, а Валя рушит его собственными руками, отказываясь родить ребенка мужу и вернувшись к своему давнему возлюбленному, который, в свою очередь, оставил Наташу одну с их сыном.

В кинематографе сюжет П. в. с. положен в основу многих фильмов и сериалов, например: «Москва слезам не верит» (реж. В. Меньшов, 1979), «Провинциалы» (реж. В. Краснопольский, В. Усков, 2002), «Главные роли» (реж. В. Плоткин, 2002), «Линии судьбы» (реж. Д. Месхиев, 2003), «Нулевой километр» (реж. П. Санаев, 2007) и др.

Бывший вице-премьер России, а теперь один из лидеров оппозиции Б. Немцов активно использует имидж провинциала: «Немцов постоянно подчеркивает свое провинциальное происхождение и свою любовь к Нижнему Новгороду. Самое наглядное выражение этой любви — сборник автобиографических размышлений под названием “Провинциал”, работа над которым была закончена еще во время губернаторства в Нижегородской губернии». Название книги Немцова имеет иронический характер, намекая на важную роль «провинциального» Нижнего Новгорода для всей России. Политическая судьба Немцова развивалась по сюжету «из провинции в Кремль». Немцов играет на характерных приметах поведения провинциала. «Обыгрывая двойственный статус Нижнего Новгорода как провинциального города и как третьей столицы государства <см. с т о л и ч н о с т ь п р о в и н ц и и >, Немцов одновременно вкладывает положительный смысл в слово “провинциал”» (*Отто Буле*. Борис Немцов — провинциал. К вопросу о политическом имиджмейкерстве в постперестроечной России // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 118, 126—127). Таким образом, Немцов является доказательством того, что приезжий может не только обосноваться в столице, но и успешно помогать своему родному городу, не забывать о своих корнях и удачно пользоваться имиджем провинциала.

Е.М. Карпова, М.В. Строганов

Провинциализм, провинциальность. Обычно употребляются как полные синонимы. П-м определяется как «признаки, изобличающие в ком-нибудь провинциала (пренебр.)» либо как «слово или оборот речи областного происхождения, необычные в литературном языке (линг., лит.)» (Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. III. С. 902). Более поздние словари дают более разветвленную систему значений: 1) «привычки и взгляды присущие жителям провинции»; 2) «пренебр. Ограниченность интересов, узость кругозора»; 3) «слово или выражение, свойственное областному, а не литературному языку»

(Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998. С. 1001; Булыко А.Н. Большой словарь иноязычных слов. М., 2004. С. 467).

На фоне оппозиции *п р о в и н ц и я / с т о л и ц а* ясно осознаются отличия в поведении, привычках, мировоззрении провинциалов и жителей столицы. Незыблемым примером для образца является столица. Провинция же хранит исконные традиции, порядки и обычаи, но в настоящее время все это считается затхлым и не пользуется популярностью, ибо моду диктует столица. Переносное значение термина *П-м* ‘нечто устаревшее, ненужное и немодное’ формируется стереотипами восприятия провинции. Представление о том, что время в провинции остановилось, что там господствует скука, однообразие, все больше проникает в сознание (Белюсов А.Ф. «А у нас в провинции...»: Стихотворение Ани Ярцевой «Посвящается Кондопоге» // Русская провинция: миф — текст — реальность). Хронотоп большинства текстов о провинции М. М. Бахтин называет «провинциальным городком»: «Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся “бывания”. Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни. День никогда не день, год не год, жизнь не жизнь. Изю дня в день повторяются те же бытовые действия, те же темы разговоров, те же слова и т. д. Люди в этом времени едят, пьют, спят, имеют жен, любовниц (безроманных), мелко интригуют, сидят в своих лавочках или конторах, играют в карты, сплетничают» (Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 396).

Столичная мода перенимается в провинции с отпечатком *П-ма*. Провинциалы в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» пьют шампанское не из бокалов, как в столице, а из чайников, наливая в стаканы. «”Столичность” безусловна и безусловно хороша. *П-ть*, ассоциируемая с мещанством, подвергается оценке и всегда проверяется. *П-ть* безусловно не хороша и всегда относительна: она зависит от того, с какой ”столичностью” она соотносится» (Строганов М.В. А была ли провинция? Может, провинции-то и не было? // Отечественные записки. 2006, № 5. С. 234). Н.А. Добролюбов в статье «Луч света в темном царстве» (1859) дает типизированное представление о провинциальной жизни: «И жители, точно, гуляют иногда по бульвару над рекой, хотя уж и пригляделись к красотам волжских видов; вечером сидят на завалинках у ворот и занимаются благочестивыми разговорами; но больше проводят время у себя дома, занимаются хозяйством, кушают, спят, — спать ложатся очень рано, так что непривычному человеку трудно и выдержать такую сонную ночь, какую они задают себе. Но что же им делать, как не спать, когда они сыты? Их жизнь течет ровно и мирно, никакие интересы мира их не тревожат, потому что не доходят до них; царства могут рушиться, новые страны открываться, лицо земли может изменяться как ему угодно, мир может начать новую жизнь на новых началах, — обитатели города Калинова будут себе существовать по-прежнему в полнейшем неведении об остальном мире» (Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6.

С. 322—323). Эти слова синтезируют прямое и переносное понятия о П-ме: нравы и привычки до того заостенели, что стали синонимом отсталости и ограниченности.

В современной лингвистической литературе используется ряд понятий, обозначающих явления за пределами литературной нормы: диалектизм, варваризм, вульгаризм; термин *П-м* употребляется реже других. Однако в понятии *П-ма* сочетаются все значения, которые содержатся в понятиях *диалектизма* и *варваризма* по отдельности. П-мы противопоставляются нормам современного русского литературного языка как несовременные, нерусские, нелитературные. Модные в провинции, но вышедшие из употребления в столице слова рассматриваются в качестве провинциальных: «...одно странное свойство гостя и предприятие, или, как говорят в провинциях, пассаж...» (*Гоголь Н. В. Мертвые души // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 18*). П-мом может быть названо иноязычное слово, употребляемое в регионах со смешанным населением; почти то же, что и региональный варваризм; под провинцией в этом случае понимается территория, населенная варварами, говорящими на искаженном имперском языке. *П-м* как 'местное слово' существует в двух разных значениях. Во-первых, это диалектное слово или выражение в недиалектной, литературной речи. Можно даже противопоставить диалектизмы и П-мы, однако это было бы очень субъективно: П-мы встречаются даже у крупных писателей, например у И.С. Тургенева («Записки охотника»), однако Тургенев часто использовал такие выражения вполне сознательно. Во-вторых, термин *П-м* может быть дублетом понятия локализм (слово или выражение, употребляемое только в определенной области или городе, которое неизвестно в литературном языке, но отличается от диалектизмов «некрестьянским» происхождением). Однако в роли какого-то города может выступать и столица, следовательно, значение термина не очень точно. Так, Ф.М. Достоевский несколько раз употребил слово *стриюцкий* и получил вопросы: что значит это слово? (*Клубкова Т.В., Клубков П.А. Провинциализмы и провинциальный словарь // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 138—139*).

П-ть — это признаки, избличающие в ком-либо провинциала (Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. III. С. 902). Однако П-ть присуща не только провинции: «...нельзя думать, что то, что мы привыкли называть П-тью, отсутствует в столицах; следовательно, то, что мы видим в провинции, не обязательно есть порождение места. Например, мещанству как социальному типу присущи: отсутствие интеллектуальных запросов, агрессивность по отношению к новому и интеллектуальному, застойность и довольство своим состоянием. Если такой социальный тип мы встретим в столице, мы сразу определим его как мещанство; но если этот социальный тип мы встретим вне столицы, то само собой придет на ум иная характеристика: П-ть. Таким образом, одно и то же явление мы различно идентифицируем в различных социальных локусах» (*Строганов М. В. А была ли провинция? Может, провинции-то и не было? С. 234*).

П-ть, неразрывно связанная с «сельской жизнью», в сентиментализме воспринимается как патриархальная идиллия. Н.М. Карамзин в «Рыцаре нашего времени» патриархальный быт провинциальных дворян рисует в идеализированных тонах, «братское общество провинциальных дворян», «матадоры провинции» имеют обостренное чувство чести и справедливости, прилежно исполняют законы и служебные обязанности. Пушкин продолжит традицию идеализации провинциальности в описаниях семей Ларины и Мироновых. Однако уже у Гоголя мы видим совершенно другой подход, например, в «Мертвых душах» провинциалы не столь бескорыстны и наивны, они проявляют свои отрицательные качества: жадность, отсталость, стремление к наживе, пренебрежение своими обязанностями. Преувеличивая глупость городской молвы, Гоголь формирует миф провинциального города: «...пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назад» (*Гоголь Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 226*). Данная сплетня повышает веру в то, что в акте сотворения Миргорода участвовали демонические силы.

Типологическое описание П-ма и П-ти приводит к следующим выводам. П-м — это явление, которое очевидно только со стороны и никак не может быть манифестировано самим носителем его. К «знаковым» признакам П-ма могла бы быть отнесена подражательность, — но это свойство не только жителя провинции, но и вообще всего вторичного в культуре. Так по отношению к Франции ощущала себя русская культура XVIII в., и это ощущение очень точно охарактеризовал Грибоедов в монологе Чацкого о французике из Бордо, который почитал Москву «своей провинцией». Подражательность как означающее *П-ма* обуславливается, таким образом, стремлением низшего подражать высшему. В социуме такое стремление к подражанию естественно и неискоренимо: дети подражают взрослым, молодые народы — зрелым, ученики — учителям, подчиненные — начальникам. Там, где есть социальная иерархия (а в социуме она пронизывает собой все), там есть стремление низшего к подражанию высшему. Это стремление к подражанию можно назвать словами Гоголя о Хлестакове: «стремление быть чином повыше». Но Хлестаков — мелкий столичный чиновник, а Сквозник-Дмухановский более крупный провинциальный чиновник. Значит, тот комплекс, который свойственен всем социальным иерархиям, организует и отношения столицы/провинции как социально иерархичные. П-м, таким образом, — это не какое-то особое явление, отличное от других, это обычная низшая ступень социальной иерархии, развернутая из вертикали в горизонталь. В отличие от описанных выше социальных иерархий, предполагающих сонаходимость, П-м обуславливается географически: в рамках одного государства это сонаходимость, но для конкретных людей — это разделенность пространством.

П-м, как и другие низшие ступени социальных иерархий, осознает себя таковым лишь при столкновении с высшими. Дети в своем коллективе создают свои иерархии (наподобие взрослых и взрослые/дети), учащиеся — свои. Но все эти низшие слои, в том числе и П-м, не

осознают своей недостаточности до столкновения с высшими слоями. Подражательность всех низших слоев социальных иерархий есть стремление восполнить сознаваемую недостаточность. Поэтому П-м и не имеет собственного языка и пользуется языком, общим для всех низших слоев социальных иерархий. Механизм его действия общ с другими, иная — лишь обусловленность его работы.

Иное дело — П-ть, которую нужно и должно отличать от П-ма; неразличение их и вносит существенную путаницу в понимание явления. В повести И.И. Панаева «Провинциальный хлыщ» (1856) описан человек, который родился, сформировался и прожил значительную часть жизни в столице, здесь-то он и стал хлыщом. И только крайне расстроенное материальное состояние этого человека и домогательства кредиторов заставило его бежать из столицы и скрываться в провинции, где он провел остаток своей жизни. В столице он — столичный хлыщ, в провинции он называется провинциальным, но по Панаеву, хлыщ в столице и провинции остается хлыщом. Его страсть блефовать в жизни обусловлена не П-тью, но стремлением жить на широкую ногу, рассчитывая на бесконечный кредит родственных связей и положения, выдавать минутные увлечения за глубокие страсти. Он не ощущает своей социальной недостаточности и поэтому совершенно лишен П-мом, ибо, приезжая в столицу и поступая там в несоответствии с требуемыми нормами, он не замечает этого, будучи вполне доволен собой. Посторонние же люди замечают в нем тщеславие, хвастовство, блеф, но не провинциальное начало. Только в деревенском уединении хлыща рассказчик замечает на стенах «старинные граведоновские раскрашенные женские головки, некогда украшавшие все столичные кабинеты и потом перешедшие в провинцию» (*Панаев И.И. Повести. Очерки. М., 1986. С. 265*). Итак, по соответствию или несоответствию условиям модной жизни — виден житель провинции. Молодые дворянки в Москве «сначала молча озирают / Татьяну с ног до головы; / Ее находят что-то странной, / Провинциальной и жеманной, / И что-то бледной и худой». Но потом «взбивают кудри ей по моде» (*Пушкин. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. VI. С. 159*), и от провинциальности Татьяны не остается уже ничего. В этом отношении интересен рассказ Н.А. Некрасова «Опытная женщина» (1841) с подзаголовком «Повесть из провинциального быта». Здесь кокетка, сама попадающая в любовную ловушку, ничем не отличается от кокетки столичной. И хотя побеждает эту «провинциальную неприступность» (*Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л., 1983. Т. 7. С. 255*) мужчина из столицы, оппозиция столицы и провинции в повести неактуальна. На провинциальной кокетке может быть не модная в нынешнем сезоне шляпка, но само кокетство, приемы его (шляпки, взгляд и проч.) неизменны в провинции и в столице.

Итак, П-м — это осознанное стремление жителя провинции возместить недостатки своего местожительства (весьма, между прочим, ощутимые и в прошлом, и в наше время) некоей амбициозностью, родственной амбициозности «маленького человека». Житель областного центра ощущает свою недостаточность перед столичным и вламывается в амбицию перед жи-

телем районного центра (и так — по цепочке — до бесконечности). *П-ть* — это не ощущаемое и не осознаваемое самим жителем провинции отставание от жизни. Например, в то время, когда в столицах началась мода на культурологию, провинция все еще жила поэтикой, за которую с еще большей степенью устарелости выдаются «художественные особенности». Но не агрессивная *П-ть* все-таки гораздо симпатичнее и поправимее, чем агрессивный *П-м*. *П-м* — это, таким образом, точка зрения самого жителя провинции; *П-ть* заметна только «со стороны» столицы. *П-м* вызывает резко негативную оценку (сатира, гротеск — обличение), *П-ть* же (если носителем оценки является не сам бывший житель провинции) вызывает то, что можно было бы назвать снисходительной иронией, по аналогии с позицией автора по отношению к социально низшему герою физиологического очерка натуральной школы (В.И. Даль, Е.П. Гребенка и др.; ср.: *Строганов М.В.* Человек в русской литературе первой половины XIX века. Тверь, 1996. С. 104).

Лит.: Провинция как реальность и объект осмысления: материалы научной конференции. Тверь, 2001. Статьи: *Коковина Н.З.* Провинциальный быт в структуре художественного произведения XIX века; *Кривонос В.Ш.* Гоголь: миф провинциального города.

Е.М. Карпова, М.В. Строганов

Провинциалка. Жительница провинции; *перен.* женщина провинциальных взглядов. Точной даты вхождения этого понятия в литературный язык нет, однако если слово *провинциал* («провинциальный житель») входит в употребление в конце 1810-х гг., то *П.* появляется чуть позднее, примерно в середине 1830-х гг. Повесть «*П.*» М.С. Жуковой стала первым произведением, в заглавие которого было вынесено данное понятие.

Впервые провинциальные барышни появляются в творчестве А.С. Пушкина, и хотя писатель еще не называет их *П.*, но в «Евгении Онегине» к описанию Татьяны Лариной применяет эпитет *провинциальная*; когда Татьяна впервые выходит в свет, московское общество находит ее «провинциальной и жеманной». Провинциальность выражается в нарядах, мода на которые уже прошла, и «запоздалом складе речей». Однако *П.* привлекают Пушкина самобытностью, отличающей их от однообразных столичных дам. В «Евгении Онегине» провинциальная Татьяна Ларина противопоставлена столичной Нине Воронской, названной «Клеопатрою Невы» (*Фаустов А.А.* Провинциальные барышни А. С. Пушкина // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 207).

К любой пушкинской *П.* (кроме Маши Мироновой) можно отнести слова: «Ей рано нравились романы; / Они ей заменяли все» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 19 т. М., 1994–1997. Т. 6. С. 44). Героини стремились перенести в жизнь схемы поведения, предложенные во французских романах: «Мария Гавриловна была воспитана на французских романах, и следо-

вательно была влюблена» (там же. Т. 8. С. 77). Но, «увлекая провинциальных героинь в мечтательный мир, пристрастие это еще больше увеличивает ту дистанцию, которая отделяет их от реальности. <...> Но это же несовпадение с реальностью — знак глубинной принадлежности судьбе. Провинциальные героини — не от мира сего; они живут в ожидании спасителя, того, кто послан судьбой и способен ввести их в мир подлинного бытия» (*Фаустов А.А. Провинциальные барышни А.С. Пушкина. С. 209—210*).

Описание П. продолжает М.С. Жукова в повести «П.» (1837–1838), где внешняя простота героини компенсируется насыщенностью внутренней жизни, которая скрыта от посторонних: «...в этих домиках с маленькими окнами, с горшками розанели и широкими ставнями живут люди весело, и часто очень счастливо», «в этой однообразной и тихой жизни есть и любовь, и поэзия» (*Жукова М.С. Вечера на Карповке. М., 1986. С. 206, 207*). Героиня Жуковой является старой девой, но нисколько не стесняется своего положения, а, наоборот, отстаивает право быть самой собой. В других произведениях Жуковой также встречаются П. Главная героиня повести «Ошибка» (1841) Полина, пережив в молодости историю «бедной Лизы», вышла замуж за пожилого человека, который стал ее спасителем и другом и от которого она родила ребенка. Полина, по замыслу Жуковой, должна пройти испытание взаимной любовью к блестящему молодому человеку Александру Цминскому. Александр воспринимает Полину как неземное существо, идеальную, безгрешную женщину. Однако слухи о ее прошлом он воспринимает как поругание святыни. В конце Цминский понимает свою ошибку, но Полина уже уходит в монастырь, совершая подвиг самопожертвования: «Но теперь я оставляю Александру дар бесценный, — любовь чистую, не помраченную ни одним черным воспоминанием, невинную как в первые минуты ее рождения» (Библиотека для чтения, 1841. Т. 48. Отд. I. С. 245). В «Двух сестрах» (1843) мотив самопожертвования приобретает другие оттенки. Сестры Ольга и Маша влюблены в Алесьева. Но Ольга замужем за нелюбимым мужчиной, единственное спасение для нее — жить жизнью Маши, быть счастливою счастьем сестры. Ольга уговаривает Алесьева жениться на Маше, и хотя после смерти мужа она может соединиться с Алесьевым, но предпочитает уступить любимого мужчину сестре. Внутренний мир Маши скрыт от читателя, но подвиг самоотвержения совершает именно она, отказываясь от Алесьева. В «Наденьке» (1853) заглавная героиня помогает своему возлюбленному, столичному гостю, добиться любви светской красавицы. В Наденьке все видят только «ненаходчивую», «несметливую» П., у которой нет шансов сделать хорошую партию. С точки зрения общества, основной задачей девушки является замужество и рождение детей. Если же она выбрала другой путь, она оценивается как кандидатка в старые девы. Самоотвержение для Наденьки — это возможность сделать свободный выбор, принять свою судьбу и не зависеть от мнения общества.

П. были не только героини художественных произведений, но и сами писательницы, изображавшие провинциалок. В 1830-е гг. заявляют о себе провинциальные писательницы, далекие от столичной и мужской литературы: Е. Ган, Н. Дурова, А. Марченко, С. Закревская. Их особенный статус определяется тем, что они вдвойне другие: и как пишущие женщины, и как П. Все они стремились к статусу профессионального литератора, так как творчество было для них средством к существованию (*Савкина И.* Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). *Wilhelmshorst*, 1998).

Инверсию этого образа П. дает И.С. Тургенев в комедии «П.» (1850). Жительница уездного города Дарья Ивановна мечтает о том, чтобы перебраться в столицу: «Неужели же я вечно должна остаться здесь, здесь?» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1979. Т. 2. С. 411). Дарья Ивановна воспитывалась в столице, в доме графини Любиной, привыкла к роскоши и комфорту, но замуж ей пришлось выйти за провинциального чиновника и серьезно сократить свои запросы. С приездом графа Любина Дарья Ивановна предпринимает все, чтобы понравиться Любину, от которого зависит карьера ее мужа. Разыгрывая простодушную, искреннюю П., Дарья Ивановна проявляет незаурядную ловкость в достижении своей цели. До Тургенева в русской литературе были только мужские образы деятельных и пронырливых провинциалов (Молчалин, Чичиков).

В современном массовом искусстве образ П. стереотипен. На картине И. Лубенникова «П.» (1985) рыжеволосая девушка с ярким макияжем, в ажурных чулочках и мини-юбке стремится подражать роскошной блондинке, изображение которой висит перед ней. В зеркальце, в которое смотрится П., отражаются мужские усы: предпочтения П. формирует мужчина. Автор подчеркивает комичность этого копирования. Но такое копирование не является принадлежностью П.; именно так вела себя и москвичка Эллочка Людоедка в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928).

Современная песня сохраняет верность литературному типу наивной П. XIX в.: В. Малезик в песне «П.» изображает робкую девушку, впервые попавшую в столицу и растерявшуюся в многолюдном метро (Вячеслав Малезик // *Moskva.fm* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.moskva.fm/artist/вячеслав_малезик/song_2373177. Дата обращения: 11.11.2011). Герой песни М. Щербакова «Вместо того, чтоб гнить в глуши...», которого обвиняют во всех катаклизмах мира, признается: «Я же про этот шторм и шквал / Ведать не ведал, знать не знал, / Я в это время по Фонтанке / В белой рубашечке гулял. // В левой руке моей была / Провинциалка из села, / В правой руке моей фиалка / Благоухала и цвела» (Песни М. Щербакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vdit.ru/mvd/songs/song19.htm>. Дата обращения: 11.11.2011). Авторская ирония не лишает образ П. обаяния и привлекательности: она и благоухающая фиалка здесь равноценны, тождественны.

Провинциальный комплекс столичности. Стремление крупных и средних провинциальных городов преодолеть свою *провинциальность* и приблизиться к *столичности*. Попытки реализовать это желание можно наблюдать как в самоидентификации территориального сообщества, так и в самоидентификации отдельных его представителей — *п р о в и н ц и а л о в*. П. к. с. — понятие, обратное *комплексу провинциала* и вместе с тем неразрывно с ним связанное. В основе комплекса провинциала лежит предвзято негативное отношение к месту, где родился и вырос, основанное на зависти к жителям мегаполисов и любых других населенных пунктов, превышающих по масштабу его родной *г о р о д* (село, *п о с е л о к*). Носитель этого комплекса считает, что родина его «неизлечима» и что реализовать себя он сможет только в том случае, если переберется на постоянное место жительства в столицу или хотя бы в более крупный город: «Мало быть гением, надо еще и жить в столице (*Аркадий Давидович*)» (Афоризмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aphorism.ru/456.shtml>. Дата обращения: 11.11.2011). В основе П. к. с. лежит убеждение в социокультурной ущербности и экономической недостаточности, по сравнению с мегаполисом, места, где родился и вынужден жить. Однако носитель этого комплекса не рвется покинуть родину, так как, по его мнению, она не только «излечима», но и потенциально богаче мегаполиса (*с р. м а л а я р о д и н а*).

Наиболее эффективное решение проблемы П. к. с. для крупного провинциального города, которому тем не менее не суждено стать официальной столицей (*с м. с т о л и ч н ы й г о р о д с п р о в и н ц и а л ь н о й с у д ь б о й*), — это добиться статуса *третьей столицы* (*с р. с т о л и ч н о с т ь п р о в и н ц и и*). В этом случае конкретными носителями П. к. с. выступают провинциальные властные структуры, озабоченные внедрением своих социально-экономических планов и удовлетворением своих политических амбиций. Так, в 2009 г. борьба за звание *третьей столицы России* развернулась между властями Казани и Нижнего Новгорода. Победу в ней одержала столица Татарии, зарегистрировавшая в Роспатенте товарные знаки «Третья столица России», «Третий город России», а также «Russia's third capital». Использовать слоган «Третья столица России» Казань начала еще в марте 2007 г., что привело к конфликту между столицей Татарии и Нижним Новгородом. Свое право на бренд власти Нижегородской области обосновывали историческим фактом: во второй половине XIV в. Нижний Новгород был столицей Нижегородско-Суздальского княжества. Татарские власти, в свою очередь, обращали внимание на то, что третьей столицей России Казань назвал во время празднования ее тысячелетия (2005) прежний президент страны В.В. Путин. Казань победила в этом споре не потому, что она лучше Нижнего Новгорода, а потому, что она подала заявку в Роспатент на несколько дней раньше конкурентов. Нижегородская область зарегистрировала товарный знак «Столица Поволжья» (*Кряжев Р., Бегимбетова И. Казань стала столичной штучкой // Коммерсантъ. 2009. №59 (4114). 3 апр.*).

В средних провинциальных городах причиной формирования *сценария столичности* может выступать неоправданное ожидание провинциальным сообществом инициатив центральной власти или инвестиций независимых олигархов. По мнению провинциалов, склонных к этому варианту развития событий, их родной город должен быть избран властными структурами или состоятельными спонсорами для внедрения глобальных проектов, проведения масштабных акций или организации престижных рекреационных объектов, которые привлекут к городу внимание всероссийского, а еще лучше мирового сообщества и позволят ему в глазах соперников сравняться с мегаполисом. Такой сценарий столичности в его предельном, доведенном до абсурда варианте иронически описан И. Ильфом и Е. Петровым в романе «Двенадцать стульев». Его герой Остап Бендер попадает в город Васюки, уровень урбанизации которого исчисляется 8000 жителей, наличием картонной фабрики, чугунолитейного, пивоваренного и кожевенного заводов и лесного техникума. Остап предлагает жителям организовать междупланетный шахматный конгресс. Его проведение не будет стоить васюкинцам ни копейки, но принесет баснословную прибыль и радикально изменит статус города, в котором возникнут дворцы, светящиеся рекламы, сверхмощная радиостанция, в который со всех концов света устремятся океанские корабли, железнодорожные составы, почтовые самолеты и дирижабли. Завершением сценария столичности явится перенос столицы: «Столица автоматически переходит в Васюки. Сюда переезжает правительство. Васюки переименовываются в Нью-Москву, Москва — в Старые Васюки». Примечательно, что при таком развитии событий с карты исчезают названия Москва и Васюки, что в корне изменяет историю страны. Внешние инвестиции позволяют Васюкам в короткое время оставить далеко позади вторую и третью столицы: «Ленинградцы и харьковчане скрежещут зубами, но ничего не могут поделать. Нью-Москва становится элегантнейшим центром Европы, а скоро всего мира» (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1988. С. 239, 245). Абсурдный литературный проект Ильфа — Петрова сегодня как никогда актуален. С легкой руки сатириков подобные сценарии получили в народе название Нью-Васюков.

Нью-Васюки — предельное выражение П. к. с. Понятно, что этот сценарий исключителен и едва ли исполним. Более реальным и частотным вариантом сценария столичности выступает желание провинциальных городов показать свою причастность к столичной культуре присвоением статуса «младшего брата» столицы (см. М о с к в ы у г о л о к).

Поскольку провинциальные города имеют разную историческую судьбу, их отношение к борьбе за тот или иной столичный или околостоличный статус может быть разным. Эта разница выявляется в сравнении екатеринбургского и пермского провинциальных текстов: «Жители Екатеринбурга охотно полагают свой город центром, третьей столицей. Для Перми же привычно амплу провинции и мифология „избранного“, особо энергетичного места, прежде всего как природного ландшафта. Екатеринбургцы акцентируют в рассказах о себе и городе

культурное, историческое, пермяки — природное и мифологическое. Первым важен город, вторым — имеющая вполне неопределенные очертания „земля“» (Абашева М.П. Писатель «здесь и сейчас»: территориальная идентичность современных уральских литераторов: пермяки и екатеринбуржцы // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 347).

В приведенном примере сценарию столичности противопоставляется *сценарий исключительности*. К сценарию исключительности можно отнести и самоидентификации провинциальных городов, тяготеющие к мифопоэтическому дискурсу. В чистом виде — это формула «Русская Атлантида», относящаяся к городам Мологе и Калязину, затопленным в 1930-е гг. в связи с организацией Рыбинского водохранилища (Владимиров Д. Русская Атлантида: Люди отказались покинуть родной город, приковав себя // Аргументы и факты. 2011. № 44. 2 нояб.). В самоидентификации Вышнего Волочка сценарий исключительности «Русская Венеция» соседствует со сценарием «младшего брата» столицы — «маленький Ленинград» (Город на Древнем Волоке / сост. И. В. Петров. М., 1967. С. 5). В самоидентификации города Конаково сценарий исключительности: «Конаково, Конаково! / Соловьиная весна» — перерастает в сценарий столичности: «Конаково, Конаково! / О тебе узнает вся страна!» (муз. О.Б. Фельцмана, слова М.С. Лисянского // Стихи и песни с именами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.namepоеm.ru/text/1839.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

Такие сочетания сценариев исключительности и столичности в самоидентификации провинциальных городов встречаются нередко. Симптомом формирования П. к. с. является их азартное желание получить столичный или околостоличный статус. Города, которые по уровню урбанизации не могут претендовать на звание третьей столицы, присваивают себе звание *столицы исключительного сценария*. Так на карте России возникли неформальные столицы: военно-морские (Кронштадт), церковные (Сергиев Посад), промышленные (Иваново, Кемерово, Магнитогорск, Норильск, Тольятти, Тула, Тюмень, Сургут и др.), продовольственные (Астрахань, Вологда, Краснодар, Ставрополь, Углич и др), торговые (Нижний Новгород), курортные (Сочи), лагерные (Магадан), и др. К слову *столица* здесь добавляется определение, характеризующее город согласно его географии, истории, расположению в нем крупнейших объектов какой-либо отрасли экономики, культуры, науки и прочих сфер жизнедеятельности. Многие из этих определений являются устойчиво употребляемыми на общероссийском уровне клише, некоторые известны только в самом городе (регионе) или отрасли, некоторые «столичные» прозвища оспариваются более чем одним городом. Такие города обычно называют *неформальными столицами*, однако точнее их называть *корпоративными* или *профессиональными столицами*: как правило, эти города — центр того или иного производства или тех или иных ремесел.

Тот факт, что претендентам на звание *столицы исключительного сценария* несть числа, ставит под сомнение фактор их исключительности, да и само понятие столичности в этом случае лишается смысла. Ср. русскую поговорку: «Есть в России три столицы — Рязань, Калуга, Луховицы», где обыгрывается идея *третьей столицы*, причем ни одна из исторических столиц в построенную иерархию *трех столиц* не входит.

Претензии на высокий статус и реальное положение конкретного города убеждает в двойственности его локального текста, в котором можно выделить тексты официально-презентативный и маргинальный: «Первый характеризуется позитивной установкой и использует негативные моменты для самоутверждения. „Дурное“ здесь — внешнее и временное по отношению к „хорошему“ — исходному и постоянному. Второй тип текста актуализирует частные оценки с преобладанием негативных. „Хорошее“ здесь может противопоставляться официальному „хорошему“ или находиться в относительном согласии с ним. Официально-презентативный текст апеллирует к прошлому, маргинальный фундируется в настоящем» (Литягин А.А., Тарабукина А.В. Конфликт в бесконфликтном пространстве: старорусский текст в повседневном быту // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. С. 179–180). Оппозиция официально-презентативного и маргинального текстов оказывается своеобразной конкретизацией антитезы *столичность / провинциальность* на локальном уровне.

В официально-презентативном тексте представлены меры, предпринимаемые провинциальным сообществом для решения проблемы П. к. с. В нем можно выявить соответствующие инициативы местных властных структур; ср. в «Ревизоре» Н.В. Гоголя попытки городничего и чиновников перед приездом ревизора создать иллюзию бурной модернизации города. Не меньшую роль в этом процессе играют и частные инициативы. Свою причастность к столичной культуре провинциалы выказывают в подражании ей: они возводят здания в столичном вкусе и оформляют их с претензией на изыск, имитируют костюмы, манеры, речь столичных жителей и т. д. (с м. п р о в и н ц и а л ь н ы й т е к с т).

Примером первого служит описание гостиницы Пожарских в Торжке, сделанное А.И. Ишимовой в 1840-х гг.: «В богатом Торжке и гостиницы богаты: и особенно одна, которую содержит вдова Пожарского. Мы удивлены были, вошедши в ее комнаты. Вообрази, милая сестрица, высокие и огромные залы, с окнами и зеркалами такого же размера, с самою роскошною мебелью; все диваны и кресла эластически мягки, как в одной из лучших гостиниц петербургских, столы покрыты цельными досками из цветного стекла, занавесы у окон кисейные с позолоченными украшениями. Но хозяйка не выдержала до конца характера изысканной роскоши, какой хотела придать своим комнатам: все это великолепие окружено стенами, не только необитыми никакими обоями, но даже довольно негладко вытесанными. Такая беспечность имеет в себе что-то оригинально русское» (ср. еще один новоторжский феномен —

«Малый Гранд-отель», созданный в эксцентрической комедии «Закройщик из Торжка» реж. Я. Протазанов, 1925). Начав со сценария столичности, А.И. Ишимова переходит к сценарию исключительности: «...главная слава этой гостиницы заключается не в убранстве ее; нет, ты, верно, не угадаешь в чем, любезная сестрица. В котлетках, которые известны здесь под именем пожарских. Быть в Торжке и не съесть пожарской котлетки кажется делом невозможным для многих путешественников» (*Ишимова А.И.* Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву // ВИКА: Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. Вышний Волочек, 2001. № 4. С. 86). Пожарские котлеты с пушкинских времен и поныне являются брендом Торжка, что отмечает каждый проезжающий через Торжок путешественник: «На досуге отобедай / У Пожарского в Торжке, / Жареных котлет отведай / И отправься налегке» (*Пушкин А.С.* Письмо С.А. Соболевскому, 9 ноября 1826 г. // Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 13. С. 303); «..предметами / Лакомства барского — / Кормит котлетами / Дочка Пожарского» (*Бакунин А.М.* Поэмы и проза. Тверь, 2006. С. 57).

Такая же двойственность — маргинальность под маской столичной презентативности, по сути *ложная столичность* — характерна для костюмов, манер и речи провинциалов. П. к. с. точно отражен в русской комедии: «Советница. Ах! сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, который был в Париже. Ах! радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был» (*Фонвизин Д.И.* Бригадир // Собр. соч.: в 2 т. М.; Л., 1959. С. 48). Опыт парижской жизни и французский язык — вещи совершенно излишние для русской г л у ш и . Да и в столице они, судя по характеристикам гоголевских героев, не знающих французского, не очень востребованы. Тем не менее они выступают критериями оценки личности, что можно квалифицировать как П. к. с.: «*Подколесин.* Да так, как-то не того: и нос длинный, и по-французски не знает. — *Кочкарев.* Это еще что? тебе на что по-французски? — *Подколесин.* Ну, все-таки невеста должна знать по-французски. — *Кочкарев.* Почему ж? — *Подколесин.* Да потому, что... уж я не знаю почему, а все уж будет у ней не то» (*Гоголь Н.В.* Женитьба // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 35—36).

Говоря о П. к. с., необходимо также различать столичность духовную и материальную: «Провинция, ты тем и хороша, / что сохраняешь от распада личность, / а если в нас духовная столичность, / провинциальность, право, не грешна...» (*Евтушенко Е.* Казанский университет // Русская газета: Стихи о Казани [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/stihi6/>. Дата обращения: 11.11.2011. Цитируемая строфа входила в главу 1 «Мост» после слов: «а дочь наивных террористских бомб» — и была исключена автором в позднейших редакциях поэмы; ср.: *Евтушенко Е.* Стихотворения и поэмы: в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 318). П. к. с. — это стремление провинциальных городов и отдельных провинциалов достичь столичности в материальной сфере.

Лит.: Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004; *Гогин С.* О провинциальном комплексе столичности // Ежедневный журнал. 1 мар. 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ej.ru/?a=note&id=10841>. Дата обращения: 11.11.2011; *Ильяева И.А.* Провинциальный город в поиске столичной идентичности // Регионоведение. 2008. №2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/104>. Дата обращения: 11.11.2011; *Рябов О.* Столичность и провинция: эссе поэта и антиквара о вечной антитезе // Новая газета в Нижнем Новгороде. 2011. № 129. 18 нояб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novayagazeta-nn.ru/2010/158/stolichnost-i-provintsiya.html>. Дата обращения: 11.11.2011.

Е.Г. Милюгина

Провинциальный текст. Выделенная для изучения часть культурного пространства, границы которой определяются ее противопоставленностью столичному локусу (ср. московский текст, петербургский текст). Знаковое оформление П. т., как и локального текста, связано с особенностями географического, исторического и социокультурного пространства определенной провинции (губернии, области, региона и т. п.), однако процессы метафоризации П. т. и локального текста различны. Семиотика П. т. формируется в системе бинарных оппозиций *провинция / столица, центр / периферия, мейнстрим / маргинальность* (*Строганов М.В.* Провинциализм / провинциальность: опыт дефиниции // Русская провинция: миф — текст — реальность. С. 30—37). В своей противопоставленности столичному локусу разные по географическим и историко-культурным характеристикам провинции могут в известной мере уравниваться, а их локальная специфика — нивелироваться или смягчаться. В результате из частных П. т. и на их основе образуется целостный образ провинции — П. т. в широком смысле слова, «безымянная провинция» (термин А.Ф. Белоусова).

Идея П. т. как антитезы культурному локусу столицы сформировалась в основных своих чертах в работах русских культурологов 1910—1920-х гг., опубликованных в журналах «Столица и усадьба», «Мир искусства», «Старые годы». Как справедливо замечает Л. О. Зайонц, «в эту эпоху взгляд на „глухие провинциальные уголки“ из нарративной области перемещается в сферу научной историко-культурной рефлексии. Проявилось это не только в обилии „провинциального“ материала, хлынувшего на страницы крупных столичных периодических изданий, но и в новом взгляде на него. Вся нестоличная культура была объявлена чем-то вроде „национального заповедника“, где любой объект становился экспонатом» (*Зайонц Л.О.* Русский провинциальный «миф»: к проблеме культурной типологии // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. С. 427—428). Наиболее близким П. т. явилось понятие *областных культурных гнезд*, введенное в 1913—1923 гг. Н. К. Пиксановым. Понятие П. т. в его современном понимании возникло позже, в контексте семиотических теорий 1970—1980-х гг. Оно было сформулировано по аналогии с понятием

петербургского текста русской литературы, введенным В.Н. Топоровым (1973). П. т. был осмыслен как определенная топонимическая данность, которую можно исследовать в рамках семиотического подхода в качестве одной из метафор культуры (культурной целостности).

В результате активного использования в разных научных средах понятие П. т., не получившее поначалу четкой дефиниции и развернутой научной разработки, начало утрачивать свою определенность, включаясь в самые разные филологические трактовки. Так, к расширительно толкуемому П. т. стали относить любое произведение, действие которого происходит в провинции, произведения провинциальных авторов и произведения о провинции. В ряде исследований произошло смешение понятий П. т. и локальный текст, вплоть до их фактического отождествления. Вследствие этого актуальной проблемой пространствоведения рубежа XX—XXI вв. стало уяснение специфики П. т. и выработка методологии его анализа. Решению этих проблем посвящен ряд специальных изданий.

Книга «Русская провинция: миф — текст — реальность» (М.; СПб., 2000), собранная по материалам четырех «провинциальных» конференций (Тверь, 1997—1998; Елец, 1999), с полным основанием может быть названа первой коллективной монографией по проблемам русской провинциальной культуры. Сборник состоит из шести разделов, демонстрирующих различные подходы к культурному явлению, которое получило название П. т. русской культуры: историческая семантика понятия *провинция* и его производных; реалии провинциальной жизни (в прошлом и настоящем); литературный образ русской провинции; провинциальный фольклор и мифология; Тверь и ее культурный ареал; мемуарные источники о жизни в провинции. Само понятие П. т. в сборнике не определено, однако структура книги сама по себе создает представление о возможных составляющих этого понятия. Работа по уточнению понятий и выработке дефиниций была продолжена в сборнике «Провинция как реальность и объект осмысления» (Тверь, 2001).

Следующим фундаментальным тематическим изданием стала «Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты» (М., 2004). Во вступительной статье уточняется состав текстов, которые могут быть отнесены к П. т.: во-первых, это представление самой провинции как некоего текста, основанное на анализе лексемы *п р о в и н ц и я*, концепта 'провинция' и образа провинции; во-вторых, словесные и несловесные тексты о провинции — от романа XIX в. до лубка и современного провинциального шансона (От составителей // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. С. 9—12).

Взаимосвязи между провинциальным пространством и П. т. могут быть описаны следующим образом: «Полисемантичность топонимов-знаков и их взаимоотношений в провинциальном пространстве обычно „считывается“ обывателем на интуитивном, герменевтическом уровне. Но такую латентную информацию возможно перевести в пространственно-знаковую

модель. Информация о внутренней семиотике культурного ландшафта обычно концентрируется в различных художественных и документальных текстах, являющихся выражением ментальности локальной и национальной культуры» (*Лавренова О.А.* Образ места и его значение в культуре провинции // Там же. С. 418). Задачи описания П. т. связаны с выявлением специфики коммуникативной ситуации конкретного локуса в топографическом, топонимическом, социальном и индивидуально-психологическом планах. Цель такого описания — уяснение основной тексто-порождающей модели, которая обуславливает диапазон нарративных практик.

Признаками П. т. могут быть признаны типичность и вместе с тем исключительность изображаемого российского провинциального г о р о д а , «нестоличность» живущих в нем людей, происходящих в нем событий, особый хронотоп, отличающийся не только удаленностью от всех «столиц», но и пространственной и культурной изолированностью от них, характерные для провинциалов «живое чувство истории» и посмертная память, противопоставленные «столичному, официозному и сухому восприятию прошлого» (*Веселова А.Ю.* «Скромная слава»: из истории возрождения Богородицкого архитектурного ансамбля // Там же. С. 123—144).

Параметры описания П. т. — провинциальная топка (*пристань / вокзал, градообразующее предприятие, городской сад, собор, биржа / торговые ряды / рынок, театр, городская тюрьма, городское кладбище*); провинциальные типы (*п р о в и н ц и а л / - к а , уездный лекарь, уездный учитель, уездная барышня, уездный фронт, земский деятель, помещик, провинциальный священник, доярка, пастух, тракторист, секретарь партячейки, председатель колхоза*); провинциальные сюжеты (*будни, праздники, культы, п р о в и н ц и а л в с т о л и ц е / столичный житель в провинции*); сценарии самоидентификации (*Строганов М.В.* Литературное краеведение. Тверь, 2009. С. 193—195).

Топика включает в себя ряд понятий, которые могут быть отнесены как к провинции, так и к столице (театр, вокзал / пристань, собор, торговые ряды / рынок и др.). Ср. полотно Ф.Я. Алексеева «Вид на Стрелку Васильевского острова от Петропавловской крепости» (1810), воссоздающее часть столичного города, и картину М.В. Добужинского «Провинция 1830-х годов» (1907—1908), представляющую окраину захолустного городка. Детали, из которых складываются оба мира, функционально схожи: гранитной набережной, очерчивающей водную границу столицы, соответствует сторожевая будка — знак городской окраины; правильной полукруглой площади, раскрытой к Неве, с подпорной стенкой и пологими пандусами (архитектор А. Захаров) — нерегулярно обстроенная площадка с неизменной для захолустья лужей в центре; строгой классицистической Бирже (архитектор Ж.Ф. Тома де Томон) — типичные для провинции приземистые торговые ряды; Ростральной колонне, служащей маяком, — покосившийся фонарь; двухэтажным каменным палатам — деревянный домишко и т. д. Параметрами различения столичных и провинциальных деталей служат здесь оппозиции

современность / патриархальность, уникальность / типичность, регулярность / хаотичность застройки.

Провинциальные и столичные типы различимы не только по наличию / отсутствию черт патриархальности, но и по степени выраженности этнографических признаков. Этнографизм провинциальных типов выражается на самых разных уровнях: в костюмах и говорах, жилищах и занятиях, нравах, обычаях и обрядах (*Глушков И.Ф.* Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами. СПб., 1801; *Дмитриев И.А.* Путеводитель от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно. М., 1839 и др.). Так, описывая Тверской край 1840-х гг., А.И. Ишимова приводит довольно много занимательных этнографических деталей. Среди них — описание народных костюмов и обычаев, в частности гостыбы — тверского девичьего гулянья: «...около двадцати молодых женщин и девушек, в богатых платьях, замечательных по самой странной смеси старых и новых мод, шли весело, разговаривая между собою и не обращая никакого внимания на встречавшихся им» — и празднества тверитян в честь славянского языческого бога Ярила: «Праздник состоял в том, что выбирали одного человека, украшали его разными цветами, лентами и колокольчиками, надевали ему на голову высокой колпак, также обвитый лентами, и возили с плясками по саду Тресвятскому и по берегам маленькой протекающей в нем речки Лазури». Провинциальная культура представлена Ишимовой и через предметы местного промысла, в частности пряники, которыми славится Тверь: «Сколько вкусов, столько и разнообразие форм этих пряников стоят своей славой: в иных и не разберешь, что за фигурки они представляют; в других можно видеть разных рыбок, рыжики, какие-то коронки городские, горох, крупу и наконец, просто коврижки». По этим приметам можно было бы квалифицировать приведенные фрагменты книги Ишимовой как тверской локальный текст, но тверские реалии оцениваются в книге с точки зрения столичного жителя. Особенно категорично и безапелляционно столичный «приговор» провинциалам выражен во фрагменте, посвященном диалектным особенностям речи жителей Вышневолочка: «Нас очень смешила молоденькая девушка, дочь хозяина той гостиницы, в которой мы обедали. Мы слышали, как она пела, и так уморительно выговаривала иные слова, что Валериан записал их и хочет позабавить ими Анюту, когда воротится в Петербург. Везде, где только у нас “ять”, они ставят “и”, а где “е” — так у них “я”. И вот оттого и выходят такие слова: “бясида” вместо “беседа”; “дивушка” вместо “девушка”; “лито” вместо “лето”, а иные слова трудно понять, так она коверкает их» (*Ишимова А.И.* Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву. С. 84, 94, 95). Современные же Ишимовой описания Петербурга подчеркивают, что столичные жители лишены этнографической окрашенности, их одежда, речь, нравы и обычаи унифицированы. Таков Петербург в описании Гоголя: «Все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками, мамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках. <...> Ты-

сячи сортов шляпок, платьев, платков, — пестрых, легких, к которым иногда в течение целых двух дней сохраняется привязанность их владельниц, ослепят хоть кого на Невском проспекте» (*Гоголь Н.В.* Невский проспект // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 12). Оппозиция этнографически окрашенной провинции и лишенной этнографических черт столицы сохраняется и в русской культуре начала XX в.: ср. картины Б.М. Кустодиева «Купчихи в Кинешме» (1912) и М.В. Добужинского «Городские типы (Гримасы города)» (1908). В контексте установок на этнографизм и традицию бытописания окраин признаки, свойственные локальному тексту, обретают модальность П. т., например: «В представлении современных соотечественников „Карелия“ означает: „русская старина, культура, живопись“; „народ, сохранивший национальные праздники, обряды, гадания, песни, сказки, былины и язык“; „многочисленные деревушки“, которые „дышат стариной, ведь там прожило не одно поколение“; „большой карельский деревенский дом, где все под одной крышей“; „древность“; „дом, сделанный без единого гвоздя, баня“; „церквушки, часовни, соборы“. А еще у наших информантов она ассоциируется с национальной карельской едой — калитками, рыбником, ряпушкой; собиранием грибов и ягод, рыбалкой и лыжными прогулками» (*Разумова И.А.* «Под вечным шумом Кивача...»: Образ Карелии в литературных и устных текстах // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. С. 118). Система этнографических и патриархальных деталей, свойственных карельскому П. т., позволяет противопоставить его столичному локусу как современному и унифицированному в этнографическом отношении.

Провинциальные и столичные сюжеты могут быть параллельными: будни, праздники, культуры — или пересекающимися: провинциал в столице / столичный житель в провинции (*Строганова Е.Н.* «Приезжий из столицы» и «спящая красавица»: провинциалы и провинциалки в русской литературе XIX века // *Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurs um Nation und Gender in Deutschland und Russland.* Würzburg: ERGON Verlag, 2005. P. 387–395). Параллельные сюжеты функционально схожи, но различаются атрибутикой и наличием / отсутствием этнографических признаков. Так, «Деревенский праздник» Б.М. Кустодиева (1910) представляет традиционное русское гулянье с катанием молодых на телеге, стариковскими посиделками на завалинке и детскими незамысловатыми играми в бабки или свайку. Современное ему полотно А.Н. Бенуа «Карнавал на Фонтанке» (1900-е) изображает столичный праздник с катанием на гондолах, в сопровождении музыкантов и гондольеров в традиционных итальянских костюмах. Имитация венецианского карнавала в Петербурге — Северной Венеции — не противоречит топике этого города: рекам, каналам, мостам, гранитным парапетам — и его феноменологии: праздно шатающимся по набережной типам, космополитическому городскому духу («Все флаги в гости будут к нам», по словам Пушкина). Игра в чужую культуру своеобразна и занята; чуждая провинции, она легко исполнима именно в унифицированном мире столичного города — и при этом остается лишь маской, за которой скрывается отсутствие этно-

графически окрашенной культуры. С точки зрения исполнения культа ср. картину Н.П. Богданова-Бельского «В церкви» (1939), воссоздающую одухотворенные лица молящихся детей, и полотно А.И. Корзухина «Перед исповедью» (1877), запечатлевшее не лишенный лицемерия быт прихожан Никольского военно-морского собора в Санкт-Петербурге в пестрых контрастах сакрального и мирского. Особую роль в П. т. играет категория исключительного, описанная на материале весьегонских рассказов о местночтимом отце Сергии Успенском: «Сергиевский текст» выстраивается «как вполне стандартный текст христианского почитания харизматической личности (святого, праведника, прозорливца, юродивого) с соблюдением всех основных позиций соответствующей схемы... но обладает, тем не менее, и рядом специфических черт, отличающих его от других прагматически и структурно сходных текстов» (Зубарева В.С., Лурье М.Л. Весьегонские рассказы об отце Сергии Успенском как провинциальный текст // Там же. С. 203).

Система патриархальных и этнографических деталей, свойственных П. т., позволяет противопоставить его столичному культурному локусу как современному и унифицированному в этнографическом отношении. Столичные жители оценивают патриархальность провинции как отставание от цивилизации, этнографические особенности жителей — как отклонение от принятой в столице нормы. Провинциалы, воспринимающие эту оценку всерьез, ищут способов оправдаться перед столицей, компенсировать *культурную инаковость*, которая воспринимается как «ущербность». Здесь выявляются три стратегии поведения. Первая — попытка провинциального города оправдать свою сегодняшнюю культурную инаковость собственным славным историческим прошлым; эта стратегия порождает сценарий жертвенности (см. с т о л и ч н ы й г о р о д с п р о в и н ц и а л ь н о й с у д ь б о й). Вторая — объяснение провинциальным городом собственной культурной инаковости как особой миссии остаться мифом, тайной (см. п р о в и н ц и я к а к с а к р а л ь н о е п р о с т р а н с т в о). Третья — намерение провинциального города ликвидировать свою культурную инаковость и стать тождественным столице (см. п р о в и н ц и а л ь н ы й к о м п л е к с с т о л и ч н о с т и).

Существуют и попытки построить методологию анализа П. т. на принципах, аналогичных методологии анализа петербургского текста. В соответствии с работами В.Н. Топорова, опирающимися на наиболее общие типы петербургских мифов: миф творения, исторические мифологизированные предания, связанные с императорами и видными историческими деятелями, эсхатологические мифы о гибели города, литературные мифы, а также «урочищные» и «культовые» мифы, привязанные к «узким» локусам города (Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы: Введение в тему // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 348), Н.В. Осипова выделяет провинциальные городские мифы, характерные для вятского П. т. Самобытность вятского П. т. исследовательница усматривает «в контексте имени, фольклора, истории (исто-

рических преданий и праздников и ссылки) и места, включающего в себя антитезу „столица — провинция“«. Важнейшей реализацией антитетических взаимоотношений столицы и провинции в П. т. считается оппозиция код власти / код спасения: «Российская провинция, начиная со времени объединения русских земель под Московским князем, не обнаруживала своей самостоятельности, она нуждалась в столичном контексте как главной смысловой доминанте. Взаимоотношения этих двух локусов всегда были центростремительными и до сего времени не являлись диалогом равных: столица выслушивала, утверждала, давала директивы — провинция просила, рапортовала. Проницаемой эту коммуникативную ситуацию делал код власти. Именно власть диктует данный тип отношений, и они разрушаются, как только властная вертикаль ослабевает (период революций 1917 и 1991 годов). И в эти периоды, так же, как в периоды войн, вступает в силу другая схема отношений, которую можно условно обозначить как код спасения. В переходные эпохи провинция становится зоной стабильности и для столицы выступает как место спасения, откуда черпаются материальные и человеческие ресурсы» (*Осипова Н.В.* Вятский провинциальный текст в культурном контексте // Вятский государственный гуманитарный университет: Филологический факультет: Публикации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://studnauka.narod.ru/nvo.html#_ednref3. Дата обращения: 11.11.2011).

В контексте уяснения взаимосвязи между смежными понятиями П. т. и л о к а л ь н ы й т е к с т продуктивна мысль о том, что «любой локальный текст есть в известном смысле „провинциальный“, и любой провинциальный текст может приобрести столичный статус при простом переносе столицы из города в город» (*Строганов М.В.* Две заметки о локальных текстах // *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты.* С. 485). В связи с этим переосмыслиется и специфика П. т. в контексте антитезы п р о в и н ц и я / с т о л и ц а . Анализ образа места и его значения в культуре провинции приводит к выводу, что неповторимость каждого частного П. т. заведомо составляет антитезу как столице, так и любому другому П. т.: «Образ места необычайно значим как явление, так как неповторимый узор смыслов, имеющих свои координаты в географическом пространстве, создает в конечном итоге структуру культурного ландшафта страны. В результате пространство провинции, представляющее собой антитезу и смысловой фон для столичных городов, при внимательном рассмотрении оказывается уникальным в каждой своей единице и не требующим противопоставления столице для его культурной идентификации» (*Лавренова О.А.* Образ места и его значение в культуре провинции // Там же. С. 414—415).

Лит.: Русская провинция: миф — текст — реальность. М., СПб., 2000; Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001; Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004; Жизнь провинции как феномен духовности. Нижний Новгород, 2006.

Е. Г. Милюгина

Провинция как сакральное пространство. Сакральное пространство — среда общения человека с высшим миром, Божественным и потусторонним, поскольку сакральное (от англ. *sacral* и лат. *sacrum* — священное, посвященное богам) связано с Божественным, религиозным, потусторонним, иррациональным, мистическим. Вот типичные рассуждения непрофессионального мыслителя К. Дудкинського в очерке «Малые Мочилы», опубликованные под шапкой «Малая родина» (сохраняем орфографию и пунктуацию автора): «Россия — великая, общая родина. Включает в себя бессчетное количество Малых родин. / Каждая из них, мистична, состоит из множества легенд и сказаний. Настолько пропитана духом предков, наполняющим такой силой земли, эту родную местность где родился и сформировал человек свое сознание. Именно это сознание, определяет весь дальнейший жизненный путь человека. Конечно при условии, что он не порывает в себе этой загадочной связи со своей Малой родиной / Обратите внимание, — все, долгожители, заканчивают свой жизненный путь на Малой родине <...> / А какие здесь места! Трудно представить себе, места более удобные для рыбалки и охоты. С правой стороны пойма реки Мокша, с левой стороны пойма реки Пет. На север обе реки впадают в реку Ока. Где то, под Пителинской землей, в бесконечных старинных катакомбах, прячется легендарный город Арта (ключ). Тысячелетиями о нем слышали, сражались с воинами его, но увидеть, ни кому, не удавалось. А вот бунтующим крестьянам, окруженным карательными войсками, удалось бесследно исчезнуть, в этих старинных катакомбах. / Все помнят о загадочном взрыве возле города Сасово. Несколько научных экспедиций оказались бессильны объяснить причину явления, а вот озеро Сегма, отреагировало потерей уровня воды, который раньше, круглогодично, был постоянным» (Дудкинський К. Малая родина // Проза.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2009/12/10/1186>. Дата обращения: 11.11.2011). Автор не употребляет понятия *провинция*, но рассуждает именно о ней, и ход его мысли весьма характерен для большинства провинциального населения.

Провинциальный город может быть рассмотрен как маргинальный феномен, так как он находится на границе, между городом и деревней: и в пространственном, и в онтологическом, и в семантическом смыслах. Сама провинция также находится на краю: страны, земли. В этом смысле провинция располагается на границе живого и неживого, жизни и смерти, нашего и потустороннего мира. Специфика провинции как антропологического феномена — в ее метафизическом значении: провинции приписываются свойства источника, основы, фундамента жизни страны и народа.

Со столицей связаны представления о политических, социальных и культурных границах государства и этноса, с провинцией связаны представления о метафизических границах человеческого бытия. В провинции «небытие превращается в бытие, неживое в живое, смерть в жизнь. Провинция — это место жизни и рождения», это начало плодоносящее, рождающее. С этим связана, например, вера А.И. Солженицына в то, что провинция спасет Россию, выра-

женная им в утопии «Как нам обустроить Россию» (1990). Столица в этом противопоставлении бездуховна, в ней развиты материальные, меркантильные интересы, своим ускоренным темпом жизни она «превращает жизнь в смерть, живое в неживое, бытие в небытие» (Гурин С.П. Маргинальные прогулки. № 13. Провинция: потаенность и сокровенность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russned.ru/filosofiya/marginalnye-progulki-no13.-provinciya-potaennost-i>. Дата обращения: 11.11.2011). См. об этом: Белоусов А.Ф. «А у нас в провинции...»: Стихотворение Ани Ярцевой «Посвящается Кондопоге».

Одна из главных черт провинции — близость к земле, к почве — может восприниматься также и как близость к подземному миру, к смерти. Провинция в большей степени связана с традиционной культурой, и в ней в большей степени сохраняется память об умерших предках и почитание их могил, забота о кладбищах. С другой стороны, в провинции, в монастырях хранится память о священном, соблюдается завет Неба. Так, провинция находится в определенном смысле между землей и небом, она расположена и на земле и на небе одновременно. «Провинция выражает имманентное присутствие сакрального в мире, боговоплощение» (Гурин С.П. Маргинальные прогулки. № 13). Вместо внешнего блеска столицы — в провинции присутствует «внутренний» свет, здесь, вдали от мирской суеты, Бог ближе простой, неиспорченной соблазнами света христианской душе. В провинции, как правило, множество храмов и монастырей, она словно являет собой «невидимый» град Китеж.

Сакральный характер провинциального пространства отчетливо выражен и в представлении о заповеднике, заповедном месте. Заповедник может располагаться только за пределами столицы и даже вдали от нее, следовательно в провинции. Кроме того, заповедник — это специально выделенное, огороженное, защищенное от внешних влияний пространство, заповедный к р а й .

Устойчивость представлений о провинции как глухом, малопривлекательном месте, отождествление провинциальной жизни с болотом, жители которого в пьянстве и сплетнях теряют нормальный человеческий облик (Ишкин Б.С. Динамика представлений о провинциальном городе в российской культуре Нового времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/p-2/Provinces-3.html>. Дата обращения: 11.11.2011) связана с другой скрытой особенностью провинции: она приоткрывает таинственное, мистическое начало в человеке. Закрепленность за провинциальным пространством представления о средоточии нечистой силы и наиболее активной ее деятельности, нередко является основой для сюжета многих литературных произведений («Сильфида» В.Ф. Одоевского, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий» Н.В. Гоголя, «Черный монах» А.П. Чехова, «Упырь» А.К. Толстого).

Ярче всего представление о П. как С. п. выразилось в «Сказании о невидимом граде Китеже». По-видимому, оно восходит к устным преданиям эпохи золотоордынского ига. Впервые один из его вариантов «Китеж на озере Светлояр» был напечатан С. Мелединым в

журнале «Москвитянин» (Москвитянин. 1843. № 12. С. 507—511). О существовании Китежа свидетельствует также «Книга, называемая летописец», иначе именуемая «Китежским летописцем» (Китежский летописец; Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981; Легенда о граде Китеже: Книга глаголемая летописец; Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 1997). Легенда о Китеже дошла до нас в литературной обработке старообрядцев. «Книга глаголемая летописец» сложилась во второй половине XVIII в. (1794?) на основе двух самостоятельных памятников XVII в., при этом в первой части, повествующей о князе Георгии Всеволодовиче, убиении его Батыем и разорении Китежа, отразились предания, восходящие ко временам Батыева нашествия. Согласно легенде, град Китеж основан в конце XII в. великим князем владимирским Георгием Всеволодовичем. Возвращаясь из путешествия в Новгород, он остановился возле озера Светлояр. Очарованный красотой тех мест, князь повелел построить на берегу озера град Большой Китеж. В XIII в. в день нашествия золотоордынских войск город охраняли три богатыря; они первыми увидели врагов. Перед битвой один из воинов послал сына в Китеж предупредить горожан. Мальчик кинулся к городским воротам, но стрела татарина догнала его. Со стрелой в спине добежал он до ворот, крикнул: «Враги!» — и упал замертво. Богатыри тем временем пытались сдержать врагов; на месте их гибели появился святой ключ Кибелек, который бьет до сих пор. Китеж при приближении войск Батыя опустился на дно озера Светлояр.

В основу легенды легли действительные события: великий князь владимирский и суздальский Георгий II Всеволодович сражался с войском Батыя и погиб в неравной битве на р. Сити. Связь Малого Китежа (Городца) с именем Георгия Всеволодовича имеет вполне историческую подоплеку: с 1216 по 1219 г. (до занятия Владимирского стола) князь отъезжал туда на удел; в 1237 г., когда полчища Батыя подступили ко Владимиру, Георгий Всеволодович ушел в Ярославскую землю, в пределах которой и находились оба города — Большой и Малый Китежи и где состоялась проигранная русскими битва. Генеалогия князя, возводимая к святому князю Владимиру, вымышлена, она усиливает мотив святости — ведущий мотив легенды. Вторая часть «Книги глаголемой летописец» — «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже» — принадлежит к типу легендарно-апокрифических памятников, трактующих о земном рае. Образ «сокровенного» града Китежа стоит где-то посередине между «земным раем» древнейших русских апокрифов и Беловодьем, легендарным счастливым краем, ставшим столь популярным среди русских крестьян в XVIII в.

Чаще всего Китеж атрибутируют в районе жигулевского изгиба Волги, где над рекой иногда виден мираж — встающий из-под воды большой древнерусский город. Озеро Светлояр находится в Нижегородской области близ села Владимирского Воскресенского района, в бассейне Люнды, притока реки Ветлуги. Длина озера — 210 метров, ширина — 175 метров, а об-

щая площадь водного зеркала — около 12 гектаров. Позднее Китеж осмыслялся как убежище последователей старой веры. В XVIII—XIX вв. Китеж представляли как город праведников и социальной справедливости, куда мог отправиться каждый честный россиянин. Аналогичными свойствами народ наделял и некоторые другие фантастические общества: царство пресвитера Иоанна, Острова блаженных, Земной рай, Беловодье, город Игната. В России XIX в. бытовали рассказы о людях, которые дали обед уйти в Китеж и впоследствии присылали оттуда письма. Очевидцы описывали колокольный звон, который был слышен из-под воды, и пытались разглядеть под водой очертания города.

Легенда о граде Китеже взволновала умы литераторов, музыкантов и художников. П.И. Мельников-Печерский рассказал легенду повести «Гриша» (1861), романе «В лесах» (1871—1874) и официальном «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» (1854). Озеро посещали М. Горький (очерк «Бугров», 1919), В.Г. Короленко (очерковый цикл «В пустынных местах», 1890), М.М. Пришвин (очерк «Светлое озеро», 1909). В поэзии Н.А. Клюева (Песнь о Великой Матери, 1930—1931) Китеж осмысляется как воплощение истинной культуры, символ старой дониконовской веры, ценностей старообрядчества; в одном контексте с этим топонимом упоминаются имена старообрядческих святых, названия святых реликвий, символы древнерусской культуры (Сирин, Китоврас, Рублев), имена деятелей Раскола (Аввакум, первые учителя поморцев-беспоповцев братья Андрей и Симеон Денисовы и др.). Н.А. Римский-Корсаков написал оперу «Сказание о невидимом граде Китеже» (1905). Озеро рисовали художники Н. Рерих, Н. Ромадин и И. Глазунов. А. Ахматова и М. Цветаева упоминают град Китеж в своих стихах. В наши дни легендой о Китеже заинтересовались авторы фэнтези: «Молоты Китежа» (1997) Н. Перумова и «Красное смещение» (1996) Е. Гуляковского.

Л.С. Быша, Е.Г. Милюгина, М.В. Строганов

Провинция / столица. Пространство существования человека в мире можно описать в таких понятиях, как столица и провинция. Эти категории представляют собой антропологические феномены, которые имеют определенные онтологические структуры и ценностные смыслы (Гурин С.П. Маргинальные прогулки №13. Провинция: потаенность и сокровенность). Первый исторический смысл слова *провинция* в Древнем Риме содержал в себе противопоставление центра и некоторой покоренной земли, а затем центра и управляемой территории страны. «Отношения между этими частями одного государственного целого были различны по правовой и экономической тональности». В Новое время решающую роль приобретают столицы и возникает дистанция между ними и провинцией. Возникает возможность существования специфических, особых феноменов — *столичное* и *провинциальное*, фиксируемых как очевидные

и реально отделяемые друг от друга. В то же время это не исключает их постоянного взаимодействия, перетекания, сосуществования. При сопоставлении с креативным столичным началом провинция начинает выполнять «притормаживающую» функцию, консервативную роль хранительницы традиционного, но выполняет ее в рамках большой системы. Это определяет статус провинции как особого феномена, «особой характеристики культурного ландшафта страны-системы». «Провинция видится как зона определенной гармонизации, балансировки центробежного и центростремительного в большой системе» (Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 17, 20).

В. Г. Короленко выделяет ментальные черты психологии и поведения жителя провинции на основе осознаваемой разницы между *столичным* и *провинциальным*. Для жителей столицы характерно приобщение к власти, новациям, моде, развитым коммуникациям, что объективно и естественно. «Провинциальное бытие, с его отдаленностью от органов управления нацией, страной, государством, культурной жизнью, со скромным в сравнении со столичным управленческим аппаратом и более бедными интеллектуальными ресурсами, обуславливает иные формы повседневного существования — несравненно более спокойного, замкнутого в частных семейных интересах, лишеного претензий на решающее соучастие в главных процессах, протекающих в масштабе всей страны и в силу этого наделяющего особой формой амбивалентной психологии — ощущением относительной независимости от центральной власти и одновременно покорностью исходящим от нее решениям, известным “комплексом неполноценности” и вместе с тем “комплексом духовного самодовольства”» (Каган М.С. Москва — Петербург — провинция: «двустолочность» России — ее историческая судьба и уникальный шанс // Российская провинция. 1993. № 1. С. 18). Для провинциального жителя характерна склонность к подражательности: приезд столичного франта становится общественным событием, а то, что на нем одето, воспринимается как новый модный эталон (что может не иметь оснований в столице). Люди провинции пытаются перенимать стиль, наивно и ошибочно воспринимая его за новые модные веяния, что нередко приводит к курьезам (см. *п р о в и н ц и а л ь н ы й к о м п л е к с с т о л и ч н о с т и*).

В отношениях *столичная культура / провинциальная культура* первая может рассматриваться как некий *сакральный центр* (место формирования высших ценностей), а вторая — как *профаническая периферия*. Для провинциальной культуры характерна определенная замкнутость, меньшая восприимчивость к инородным культурным влияниям по сравнению со столичной культурой, и «отсюда большая открытость вовнутрь, способная формировать феномен “духовной оседлости”, почву действенного патриотизма». В данной оппозиции культур роль инноватора не всегда связана с культурой столичной. Этот статус определяется жизнью и творчеством ярких носителей культуры. Например, во времена Гете и Вагнера местом притяжения и духовной столицей Европы был маленький Веймар, при жизни Л.Н. Толстого магиче-

ской силой обладала крошечная Ясная Поляна (*Инюшкин Н.М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. С. 44–46) (ср. провинция как сакральное пространство).

Можно рассматривать образы столицы и провинции в контексте мифопоэтического мышления, тогда «если столица выражает политические, социальные и культурные границы государства и этноса, то провинция неявно, но твердо удерживает некие метафизические границы человеческого бытия». Если провинции свойственны протяженность и пространственность, то столица всегда единственна, единична. Образ провинции можно представить в таких понятиях, как горизонталь и горизонт, плоскость и поверхность. Столица же «выстраивает вертикаль, социальную и сакральную, задает ось мироздания, всегда находится в центре мира» (*Гурин С.П.* Маргинальные прогулки №13. Провинция: потаенность и сокровенность).

Современная мифология повседневности приписывает столице качество «оплота культуры, силы, укрывающей и защищающей культурный космос, на который давит со всех сторон дикая степь, энтропия бескультурных пространств. И стоит столица гордо и величаво, но нет покоя ее душе: сомневается она сама в своей столичности, смотрит она вечерами по телевизору, как обсуждают в Думе, что вот перенести бы ее, столицу, в Новосибирск или Екатеринбург». Провинция же в современных мифах выступает «территорией истинности и сокровенности; лоном плодоносящим и рождающим; таким местом, ближе которого нет к Земле; тем местом, где не перестает свершаться нечто промыслительное, где хранятся вечные ценности и абсолютные смыслы» (*Богомяков В.* Мифы столицы и мифы провинции // *Топос: литературно-философский журнал.* 2004. 18 мая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/2339>. Дата обращения: 11.11.2011)

Оппозиция П. / с. нередко находит отражение в текстах художественной литературы (*А.С. Пушкин.* «Капитанская дочка»; *Л.Н. Толстой.* «Хаджи-Мурат»; *А.П. Чехов.* «Дама с собачкой»; *А.Н. Толстой.* «Граф Калиостро»). Часто она становится поводом для создания афоризмов: «В большом городе можно больше увидеть, зато в маленьком — больше услышать» (*Ж. Кокто*); «В провинции есть культурные люди, но нет культурной среды; есть интеллигенты, но нет интеллигенции. Потому-то гении, рождаясь в провинции, умирают в столице» (*В. Грудев*); «Для провинции характерно отсутствие вкуса и собственного мнения; для столичной публики — верхоглядство и самомнение» (*В. Грудев*). При этом афоризмы с их любовью к парадоксальности выявляют не только конфронтацию между полюсами оппозиции П. / с., но и диалектические связи между ними. По выражению *Х. Ворцелля*, «культура рождается в провинции, вырождается в столицах и в этой форме возвращается в провинцию» (Афоризмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aphorism.ru/456.shtml>. Дата обращения: 11.11.2011).

Очевидная амбивалентность понятий *столица* и *провинция* свидетельствует о том, что дуальная схема П. / с. сегодня уже не работает: «и столица уже не столь столична, и провин-

ция не столь провинциальна; к тому же столиц оказывается несколько, а присущая им столичность — различной; на наше понимание столичности и провинциальности существенным образом влияет, допустим, социальная неоднородность (15% населения могут сегодня топить печь в таежной глуши, а завтра оказаться на Канарах; поэтому и для этих 15%, и для остальных 75% в понятиях “столица” и “провинция” появляется некий важный смысловой оттенок); столица может проявлять себя в качестве смещающейся точки и т. п.» (*Богомяков В.* Мифы столицы и мифы провинции) (см. *столичность провинции, столичный город с провинциальной судьбой*).

Лит.: *Гурин С. П.* Маргинальные прогулки №13. Провинция: потаенность и сокровенность // Русская неделя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russned.ru/filosofiya/marginalnye-progulki-no13.-provinciya-potaennost-i>. Дата обращения: 11.11.2011; *Инюшкин Н. М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004; *Каган М. С.* Москва — Петербург — провинция: «двустоличность» России — ее историческая судьба и уникальный шанс // *Российская провинция*. 1993. № 1.

Л.С. Быша, Е.Г. Милюгина

Столичность провинции. Под *столичностью* современные политологи и регионоведы понимают «сочетание в крупнейшем политическом и культурно-историческом центре страны территориальной сверхконцентрации производительных сил, сверхспециализации функций управления и определяемого им специфического образа жизни населения, обладающего мультипликатным эффектом и оказывающим интенсивное воздействие не только на собственно столичный центр, но и его территориальное окружение» (*Жирякова С. Н.* Столичность и провинциальность как показатели территориального сообщества // *Регионология*. 2008. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/103>. Дата обращения: 11.11.2011). В эпохи социально-политической и экономической стабильности столицей государства является тот город, которому присуща столичность. В кризисной политической ситуации столичность может проецироваться на провинциальный город, что позволяет рассматривать его при альтернативном развитии исторических событий в качестве претендента на статус столицы. Вероятность превращения провинциального города в столицу зависит от индекса его урбанизации: этот индекс принимает значение от 0,125, если все представители территориального сообщества живут в сельской местности, рабочих поселках и поселках городского типа, и до 1, присваиваемой столицам, соответственно 0,5 крупным и 0,25 средним и малым городам (там же). Аргументами в пользу выбора города, который должен заместить столицу, выступают внешние (территориально-географические) факторы и внутренние (социально-психологические и философские) установки.

Формирование представлений о столичности как сочетании качеств, носителем которых может выступить провинциальный город, привело к практике *переноса столиц*, что выражается в передаче столичных функций от одного города к другому, часто специально построенному с этой целью (см. *столичный город с провинциальной судьбой*). Необходимость переноса столицы обычно возникает из-за перенаселенности и гипертрофированного доминирования существующей столицы над остальной страной; ср. современные предложения о переносе столицы из Москвы в другой крупный город России (*Росман В. Перенос столицы России: Схема анализа // IV Rome: Четвертый Рим: Сетевой альманах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ivrome.ru/2010/04/perenos-stolicy-rossii-sхема-анализа/>. Дата обращения: 11.11.2011*); эти предложения, по данным выборочного социологического опроса, поддерживают 25% москвичей и 45,8% жителей провинции (Взгляд: деловая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vz.ru/vote/result/828/>. Дата обращения: 11.11.2011). Другими причинами переноса могут быть прямая военная угроза существующей столице (ср. дискуссии о выборе временной столицы в годы Гражданской и Великой Отечественной войн), либо неудачное географическое и геополитическое положение столицы (ср. аргументацию переноса столицы из Петербурга в Москву в 1918 г.), либо желание власти освободиться от старых традиций государственного управления и общественной жизни (ср. решение Петра I перенести столицу в только что построенный Петербург в 1712 г.).

В связи с формированием концепта С. п. возникло понятие *третьей столицы*. В российском национальном и региональном политическом дискурсе оно означает город, который при альтернативном развитии исторических событий претендовал на то, чтобы стать столицей России — третьей, потому что исторически в этой роли сменяли друг друга две столицы — Москва и Петербург. Третьей столицей называют также города, которые избирали своими временными столицами силы, проигравшие в гражданских войнах и восстаниях, либо города, являющиеся претендентами на столичную роль в случае принятия решения о переносе столицы, либо города, претендующие на третье место по значимости в России. Города, исполнявшие роль третьей столицы, точнее называть *временной столицей*; города, претендовавшие (претендующие) на эту роль, но ее не исполнявшие (не исполняющие), — *потенциальной столицей*: так, Иван Грозный хотел сделать Вологду столицей России вместо Москвы. Конкретный город в разные моменты своей истории мог выполнять ту или иную функцию.

Так, Екатеринбург — «столица Урала»; лидер рейтинга перспективных мегаполисов России, один из лучших городов для ведения бизнеса (Екатеринбург — лучший город. Мировые рейтинги: Екатеринбург возглавил рейтинг перспективных мегаполисов России // Официальный портал Екатеринбурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ekburg.ru/best_city/560/. Дата обращения: 11.11.2011); занимает третье место в стране по большинству экономических и политических показателей (Регионы России. Основ-

ные социально-экономические показатели городов. 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008); часто именовался местными властями «третьей столицей России» до 2009 г.; трижды рассматривался как потенциальное временное местопребывание правительства: первого Советского — в случае неудачи с заключением Брестского мира и поражения от Германии или Антанты на западных фронтах Первой мировой войны, Советского в десятилетия холодной войны — как резервный пункт управления страной при кризисных ситуациях, Российского — в случае неудачи отражения попытки переворота ГКЧП в 1991 г. Является административным центром Свердловской области и Уральского федерального округа, также в городе размещен штаб Объединенного стратегического командования «Центр».

Казань — один из городов России, имеющий официальный статус столицы республики Татарстан; город обладает огромным культурным и историческим потенциалом, занимает второе место по количеству вторых и третьих показателей в стране, уступая лишь Екатеринбург. В последнее время наблюдается заметный рост развития города, Казань — столица летней универсиады 2013 г., обладатель бренда «третьей столицы России» (см. п р о в и н ц и а л ь н ы й к о м п л е к с с т о л и ч н о с т и).

Нижний Новгород — негласная «столица Поволжья»; предполагался на роль столицы в государстве декабристов; в конце XX в. получил титул российской «столицы реформ»; оспаривал у Казани бренд «третья столица России» в Роспатенте (см. т а м ж е).

Новосибирск — негласная «столица Сибири»; третий город России по численности населения; предлагался на роль столицы значительной частью функционеров правящей партии Единая Россия) (Громов ответил Лужкову: столицу России надо перенести в Санкт-Петербург или еще дальше // NEWS.ru. 30 мая 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/29may2006/capital.html>. Дата обращения: 11.11.2011); рассматривался как потенциальное временное местопребывание Российского правительства в случае принятия решения о дальнейшем противодействии антиконституционному роспуску Верховного Совета в 1993 г. Самый близкий из крупнейших городов к географическому центру России.

Омск во время Гражданской войны был столицей объединенного всероссийского антибольшевистского правительства — Омской Директории (затем Белого Верховного) А.В. Колчака.

Самара — город, фактически дважды выступавший в роли временной столицы: в начале Гражданской войны в России он был первым местопребыванием всероссийского антибольшевистского правительства — Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), в годы Великой Отечественной войны — местопребыванием правительства СССР и дипломатических миссий иностранных государств; центр третьей по величине агломерации Самара-Тольятти.

Уфа во время Гражданской войны была вторым местопребыванием всероссийского антибольшевистского правительства — Уфимской Директории, преобразованной из Комуча.

В логике С. п. возникло полуофициальное название *межрегиональная столица*, которое получили центры Федеральных округов: Санкт-Петербург — северная столица, Екатеринбург — уральская столица, Нижний Новгород — приволжская столица, Ростов-на-Дону — южная столица, Пятигорск — северокавказская столица, Новосибирск — сибирская столица, Хабаровск — дальневосточная столица (Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Столицы_России. Дата обращения: 11.11.2011).

Таким образом, категория С. п. является инструментом, с помощью которого столичные властные структуры управляют провинцией, устанавливая в ней ситуационно выгодные социально-экономические режимы и удовлетворяя свои политические амбиции. Методы управления провинцией могут быть различными — от либерально-демократического до тоталитарного, в зависимости от масштаба задачи. Так, чтобы воплотить в жизнь лозунг: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны», был создан ленинский план ГОЭЛРО (1920). Его внедрение началось со строительства Днепровской гидроэлектростанции (ДнепроГЭС), превратившего провинциальный город Александровск в энергетическую столицу Донецко-Криворожского промышленного района. Образно эти события отражены С. Я. Маршаком в «Войне с Днепром»: «Человек сказал Днепру: / — Я стеной тебя запру. / Ты / С вершины / Будешь / Прыгать, / Ты / Машины / Будешь / Двигать! / — Нет, — ответила вода, — / Ни за что и никогда!» (*Маршак С.Я.* Сказки, песни, Загадки. Стихотворения. В начале жизни. М., 1981. С. 148). Слово *война* в заглавии текста не случайно: за картиной столкновения воли человека и стихии воды нетрудно разгадать ситуацию борьбы тоталитарной столицы и патриархальной провинции. Пафос победы столицы над провинцией выражает и картина К.Ф. Богаевского «Днепрострой» (1930-е).

О реакции провинции на эти преобразования и поэт, и художник умалчивают. Эту реакцию можно восстановить по параллельным сюжетам. Один из них — судьба городов Мологи и Калязина, затопленных в 1930-е гг. в ходе ударной комсомольской стройки в связи с организацией Рыбинского водохранилища (*Владимиров Д.* Русская Атлантида: Люди отказались покинуть родной город, приковав себя // Аргументы и факты. 2011. № 44. 2 нояб.); о другом повествует В.Г. Распутин в повести «Прощание с Матерой» (1976).

Реакция провинции на то или иное решение, касающееся переноса столицы или образования новых, *младших столиц*, может быть неоднозначной. В азарте получить столичный или околостоличный статус целый ряд городов провозглашает себя *неформальными столицами*, что является симптомом формирования у них провинциального комплекса *столчности*. Однако конкретными носителями этого комплекса выступают провинци-

альные властные структуры, которые, так же как и столичные, озабочены внедрением своих социально-экономических планов и удовлетворением своих политических амбиций. Мнение же населения потенциальной столицы может быть совершенно противоположным: «Испокон века в свои столицы, стольные города, русские князья возвращались из походов с награбленной добычей и данью, собранной с подвластных земель, селений. Сколько князей с дружинами было, столько и столиц. И в столицах делилось награбленное (собранное): столько-то наемникам (дружинникам) за работу и верную службу, столько-то на покупку оружия, столько-то на постройку дворцов и церквей, столько-то лазутчикам и шпионам за полезную информацию о соседях и так далее. Престол решал все финансовые вопросы. Города оставались на месте — переносились столицы, менялись князья. Поэтому, когда заговорили о “столице Поволжья”, стало и страшненько, но и любопытно: как же это устроят? Что, Казань с Самарой Нижнему деньги будут платить? Мы, что ли, их пароходы не будем по Волге пропускать? Или сделаем одну таможенную на все Поволжье? А можно всем жителям Поволжья заграничного паспорта выдавать в Нижнем, и будут сюда на поклон ездить и преемник Минтимера Шаймиева, и Константин Титов, и Дмитрий Аяцков. Ну, были такие деятели, когда разговоры о третьей столице стали возникать. Ведь — столица, значит сюда со всей Волги должны деньги за что-то сдавать, а то — ух...» (*Рябов О.* Столичность и провинция: эссе поэта и антиквара о вечной антитезе // Новая газета в Нижнем Новгороде. 2011. № 129. 18 нояб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novayagazeta-nn.ru/2010/158/stolichnost-i-provintsiya.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

Очевидно, проблема С. п. в мирное время может быть решена лишь в том случае, если будет найдено соответствие между властными решениями центра и желанием провинции исполнять ту роль, которая ей навязывается сверху. Современный поэт сказал об этом так: «И я люблю свою Россию, / и я люблю свой отчий дом, / но я хочу, чтоб нас спросили, / а сделали уже потом» (*Бережков В.* Русская (1985) // Bards.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.bards.ru/archives/part.php?id=1415. Дата обращения: 11.11.2011)

Е. Г. Милюгина

Столичный город с провинциальной судьбой. Выражение С.Д. Довлатова, запечатлевшее кардинальные изменения в судьбе Петербурга — Ленинграда после октябрьского переворота 1917 г. Вслед за частным определением, непосредственно касающимся Ленинграда, писатель сделал важную оговорку: «Такие города есть в любой приличной стране. (В Италии — Милан. Во Франции — Лион. В Соединенных Штатах — Бостон)» (*Довлатов С.* Ремесло // *Собрание прозы: в 3 т. СПб., 1993. Т. 2. С. 87*). Это уточнение позволяет применить понятие С. г. п. с. не только к реалиям российской культуры, но и к любой столице мира, утратившей в силу каких-либо обстоятельств статус государственного центра.

Ключевым для уяснения сути феномена С. г. п. с. является понятие *соперничества столиц*. В мире существует несколько стран с двумя или более столицами, одна из которых является официальной, другие — неформальными (см. *с т о л и ч н о с т ь п р о в и н ц и и*). Так, в США юридически зафиксированной столицей является политизированный Вашингтон, однако в сознании не только американцев, но и всего мирового сообщества с этим статусом скорее ассоциируется Нью-Йорк — деловая столица, город, где принимаются важные финансовые решения. Научной и культурной столицей США считается Бостон — город музеев и университетов. Другой пример — Израиль, где на роль столицы претендуют два города: Иерусалим — официальная столица государства, где находятся все правительственные учреждения, и Тель-Авив — экономическая и культурная столица Израиля (*Ярмаркова А. Сравнительный анализ столичных городов: Петроград, Ленинград, Санкт-Петербург и Москва // Ваал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vaal.ru/show.php?id=173>. Дата обращения: 11.11.2011*).

Проблема соперничества столиц возникает в случае разделения политической, экономической и культурной функций между двумя и более городами. Поскольку ситуация такого разделения всегда связана с событиями национальной истории, возникло понятие *исторической столицы* — города, выполнявшего функции столицы на определенном этапе развития государства, а затем лишенного властных полномочий. Именно утрата власти и превращает его в С. г. п. с. Материалы русской истории, насчитывающей несколько исторических столиц, свидетельствуют о том, что конкретные судьбы таких городов различны.

Первой столицей Руси считается Ладога (862—864), названная резиденцией Рюрика в Ипатьевском списке «Повести временных лет» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2. Стлб. 14). По этой версии, Рюрик сидел в Ладоге до 864 г. и лишь после этого основал Великий Новгород (*Кирпичников А.Н. К вопросу о первой столице Руси // Украинський історичний журнал. 2008. № 3. С. 10—13*). Когда столицей Руси стал Великий Новгород, Ладога оказалась С. г. п. с. С 1703 г. она получила название Старой Ладоги; в XIX в., расположенная сравнительно недалеко от Петербурга, в бассейне рек Волхова и Елены, она стала местом паломничества русских художников и своеобразным культурным центром. Сюда, в усадьбу Успенское, принадлежавшую известному меценату и коллекционеру А.Р. Томилову, приезжали О.А. Кипренский, И.К. Айвазовский, И.А. Иванов, П.Е. Заболотский, запечатлевшие ладожские места на своих полотнах. Старая Ладога сегодня — это село в Волховском муниципальном районе Ленинградской области, административный центр Староладожского сельского поселения. Популяризация Старой Ладоги как первой столицы Руси получила сильный толчок во время празднования ее 1250-летия в 2003 г. (Президент распорядился... // *Стройка. 2002. №49 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stroit.ru/news/view/text/id/1752.html>. Дата обращения: 11.11.2011*).

После перенесения в 882 г. столицы в Киев участь быть С. г. п. с. постигла Великий Новгород, однако он долго сохранял роль второго по значимости центра страны и получил наименование «Отца городов русских». Этот исторический статус и по сей день выделяет его в ряду других городов русской провинции. В Новгороде обычно правил старший сын великого князя киевского. Киев получил наименование «Матери городов русских», что уподобляло его Константинополю (*Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. С.107—108, 112). Соперничество двух столиц — северной и южной — стало характерной чертой русской истории и в последующие исторические эпохи, когда возникла конкуренция Москвы и Петербурга. Оно отражено в русских пословицах: «Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова»; «Питер — кормило, Москва — корм. Питер — голова, Москва — сердце» (*Журавлева О.М.* «Голова» и «сердце» России // Родина. 2003. № 1).

В 1240 г. Киев стал С. г. п. с.: он был разрушен монголо-татарами и надолго пришел в упадок. С 1243 г. столицей Руси был Владимир-на-Клязьме; в XIII в. владимирским столом владели князья Твери, Костромы, Переяславля и Городца, в XIV — Твери, Москвы и Суздаля. Поскольку с 1363 г. его занимали только московские князья, Владимирское и Московское княжества фактически слились, и Москва стала столицей, а Владимир, лишенный права быть местом коронации, постигла судьба провинциального города — С. г. п. с. Показательна в этом смысле и судьба Твери, которая во время монголо-татарского ига стала одним из центров сопротивления и соперничала с Москвой за роль центра русских земель; в 1304 г. князь Михаил получил ярлык на великое княжение, и с этого момента вплоть до 1327 г. Тверь являлась столицей русских земель.

Однако главным образом проблема С. г. п. с. касается взаимоотношений Москвы и Петербурга / Ленинграда. Их судьбы отличны от судеб исторических столиц, смирившихся со своим провинциальным статусом, потому что, говоря современным языком, их индекс урбанизации был слишком низким (см. с т о л и ч н о с т ь п р о в и н ц и и). Москва получила статус столицы в 1389 г., но уже в XVII в. созданное Москвой молодое государство заметно одряхлело: его поражают бесконечные бунты, церковный раскол, закрепощение народа. Иностранцы путешественники и собственные инакомыслящие распространяют легенду о поголовном пьянстве, безделье и никчемности русских. Общий приговор Москве: «дикость и варварство» — по сути вывел ее в разряд С. г. п. с. задолго до того, как она была лишена статуса столицы. В 1712 г. по воле Петра I столица России была перенесена в Санкт-Петербург, специально основанный как столичный город. В 1728 г. столица была перенесена обратно в Москву в связи с переездом туда Петра II, но после его смерти в 1730 г. Петербургу был возвращен столичный статус. Таким образом, Москва пребывала С. г. п. с. с 1712 по 1918 г., когда решением Советского правительства ей был возвращен статус столицы.

Снижение статуса Москвы до С. г. п. с. в Петровскую эпоху образно сформулировал Пушкин: «И перед младшею столицей / Померкла старая Москва, / Как перед новою царицей / Порфироносная вдова» (*Пушкин А. С. Медный всадник // Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1960. Т. 3. С. 286*). В послепетровское время неоднократно предпринимались попытки вернуть Москве былую стать или придать ей вид европейской столицы. Именно с этой целью Екатерина II в 1770-е гг. задумала проект «Кремлевской перестройки», мечтая превратить Москву, вкупе с Кремлем, в *идеальный город*. В соответствии с планом В.И. Баженова императрица дала приказание снести некоторые древние кремлевские здания и часть южной стены, чтобы освободить территории под новый царский дворец. Свидетелем разрушения Кремля стал Державин, что отражено им в стихах «На случай разломки Московского Кремля для построения нового дворца в 1770 году архитектором Баженовым» (1770). При подготовке к коронации Павла I (1797) Н.А. Львовым был разработан проект перестройки Кремлевского дворца в императорскую резиденцию. Параллельно с этим Львов создал для А.А. Безбородко и А.Р. Разумовского масштабные проекты городских усадеб на берегу Яузы (конец 1790-х), планируя создать вокруг исторического центра Москвы усадебное кольцо и превратить Москву в *город-сад, город-цветник* (*Милюгина Е.Г. Обгоняющий время: Николай Александрович Львов — поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М., 2009. С. 44—49*).

Однако почти все эти проекты остались лишь на бумаге, и в итоге в XIX в. Москва продолжала восприниматься как символ провинциальной России. Оценивая современное ему положение Москвы, К.Н. Батюшков в 1811 г. писал: «Москва есть большой провинциальный город, единственный, несравненный: ибо что значит имя столицы без двора» (*Батюшков К.Н. Прогулка по Москве // Соч. в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 294*). Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833—1834) заметил: «Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. <...> Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым» (*Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 6. С. 378*). Поэт считал, что процветание обеих столиц в одном государстве невозможно, как существование двух сердец в теле человека. Его вывод, однако, не отражал действительности. Москву продолжали считать столицей, и чтобы оправдать сложившуюся двойственность, возникла потребность определить, какова роль этих городов. Иносказательно это выражено в очерке Ф.Н. Глинки «Город и Деревня», где, по мнению В.Н. Топорова, в символическом образе Деревни легко увидеть душевно-сердечную Москву, а в образе Города — холодно-рассудочный Петербург: «...в Городе каждый есть нота, приписанная к своей линейке, цифра, гаснущая в своем итоге, математический знак, втиснутый в свою формулу. <...> В Деревне многие считаются сами единицами, в Городе могут быть они только при единицах! <...> В Городе никто не дома! В Деревне — всякий у себя!.. <...> В Городе нужна голова, в Деревне — сердце, в Горо-

де гражданственность, в Деревне — семья! И в этой семье вас любили по-семейному!» (цит. по: *Карпец В.* Федор Глинка. Историко-литературный очерк. М., 1983. С. 84—85.) Иронически то же сформулировал Гоголь: «А какая разница, какая разница между ими двумя <Москвой и Петербургом>! Она еще до сих пор русская борода, а он уже аккуратный немец. Как раскинулась, как расширилась старая Москва! Какая она нечесаная! Как сдвинулся, как вытянулся в струнку щеголь Петербург!» (*Гоголь Н.В.* Петербургские записки 1836 года // Собр. соч.: в 6 т. М., 1959. Т. 6. С. 109). И.И. Панаев в 1840 г. писал: «Москва — сердце России, в полном и высоком значении этих слов» — и тут же добавлял: «Москва, патриархальная и ленивая, никогда не достигнет этого блестящего развития практической стороны жизни, до которой изволил возвыситься Петербург» (*Панаев И.И.* Повести. Очерки. М., 1986. С. 48, 51). Сравнивая значение обеих столиц в истории России, А.И. Герцен писал: «Петербург — воплощение общего, отвлеченного понятия столичного города; Петербург тем и отличается от всех городов европейских, что он на всех похож; Москва тем, что она вовсе не похожа ни на какой европейский город, а есть гигантское развитие русского богатого села» (*Герцен А.И.* Москва и Петербург // Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 36).

Таким образом, размежевание столиц постепенно выстроилось по двум схемам: «По одной из них бездушный, казенный, казарменный, официальный, неестественно-регулярный, абстрактный, неуютный, выморочный, нерусский Петербург противопоставлялся душевной, семейственно-интимной, патриархальной, уютной, “почвенно-реальной”, естественной, русской Москве. По другой схеме Петербург как цивилизованный, культурный, планомерно организованный, логично-правильный, гармоничный, европейский город противопоставлялся Москве как хаотичной, беспорядочной, противоречащей логике, полуазиатской деревне» (*Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 268). В XX в. Москва вошла огромным провинциальным городом, «большой деревней», «Москвой златоглавой», «Москвой кабацкой».

В 1918 г. Москва стала столицей РСФСР, с 1922 г. — одновременно и столицей Советского Союза. Перенос столицы в Москву отчасти пошел на пользу Петербургу. Это позволило сберечь высокий процент старой застройки: на шедевры социалистического зодчества денег не хватало, жилищное строительство велось на окраинах. В результате здесь сохранилось множество жилых каменных домов предреволюционного периода — примерно 8000 зданий. От Обводного канала до Большой Невки и от Александрово-Невской лавры до торгового порта город остался почти таким, каким он был в 1917 г. Более острыми были проблемы идеологического самоопределения. Москва должна была стать символом коммунистического *завтра*, ей был определен статус «образцового коммунистического города». В общий процесс социалистического строительства были вовлечены все провинциальные города, которым отводилась роль ресурсов столицы. И если для Пскова, Новгорода, Твери такая ситуация не была деструктив-

ной, потому что они, несмотря на свое далекое *столичное прошлое*, были в Российской империи городами провинциальными, то приравнивание к ним Ленинграда означало навязывание ему совершенно несвойственной роли — роли филиала Москвы. В процессе созидания *новой империи* СССР вместо Российской империи Ленинград оказался лишним для советской державы и ее правителей.

Лишенный статуса официальной столицы, Ленинград оказался неформальной столицей сопротивления советской власти, что вызвало массовые репрессии. Были сфабрикованы «дело Лицеистов», «дела» офицеров лейб-гвардии Финляндского полка (1927; В.В. де Жерве и др.), офицеров Балтфлота (1926; Б.Л. Адлард, С.А. Ловцов, А.Н. Бахтин и др.), «Ордена мартинистов» (1926; Г.О. Мебес, А.М. Нестерова, В.Ф. Гредингер, Г.С. Габаев и др.), «Ордена Св. Грааля» (1927; А.Г. Гошерон-Делафос, М.А. Пуаре-Пургольд и др.), кружка «Воскресенье» (1928—1929; А.А. Мейер, А.В. Карташев, А.П. Федотов, А.П. Смирнов, Н.П. Анциферов), «Космической академии наук» (1928; П.П. Мошков, Д.С. Лихачев) и др. Крупнейшими процессами начала 1930-х гг. стали «Академическое дело», «дело краеведов», «Гвардейское дело», «дело» Русского общества мироведения (1931; С.В. Муратов, Д.О. Святский, В.А. Казизын и др.), «дело славистов» (1933—1934; среди репрессированных — 35 сотрудников Русского музея, Эрмитажа и Этнографического музея: А.А. Автономов, П.И. Нерадовский, Р.Ф. Куллэ, Г.А. Бонч-Осмоловский и др.). С середины 1930-х гг. — «Кировский поток», операция «Бывшие люди», «Большой террор», в конце 1940-х гг. — «кампании по борьбе с космополитизмом» (литературовед Г.А. Гуковский, умер в тюрьме в 1950; историк-медиевист М.А. Гуковский, театровед С.Д. Дрейден и др.), в 1949—1950 гг. — «Ленинградское дело», антиеврейские кампании.

В ситуации кризиса идентичности в Ленинграде неизбежно должен был возникнуть дискурс, враждебный господствующему дискурсу культуры: «Если господствующий идеологический знак культуры был пролетарскость и он исходил из Москвы, то Ленинград стал культивировать ленинградскость, обозначая этим интеллигентность как оппозицию пролетарскости» (*Дамберг С.В., Семенков В.Е.* Провинциальный город С-Петербург // *Сентенция: историко-философский альманах* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mnemosyne.ru/homo/speterburg.html>. Дата обращения: 11.11.2011). В противоположность пролетарской гегемонии большого стиля соцреализма Ленинград как *С. г. п. с.* сформировал диссидентскую интеллигентность. Проявлениями диссидентского движения явились протестные действия: обращение к съезду КПСС (1967, В.И. Гомельский); распространение материалов московской Инициативной группы по правам человека в СССР (1968, группа Ю.Л. Гендлера — Л.Б. Квачевского); протесты против ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию, надпись «вон из Праги, Брежнев» на Аничковом мосту (1968, И.И. Бугославский); «Союз борьбы за свободу личности» (1971, группа В.А. Дзибалова); распространение листовок

в защиту А.И. Солженицына (1974, Л.Л. Верди); протесты против ввода советских войск в Афганистан (1981, Б.С. Миркин); демонстрации: памяти декабристов у Медного всадника (1975), художников и литераторов у Петропавловской крепости (1976), в защиту прав человека (1977, 1978, 1979); надпись на стене Государева бастиона Петропавловской крепости: «Вы распинаете свободу, но душа человеческая не имеет оков» (1976, Ю.А. Рыбаков, О.А. Волков); надпись на стене Трубецкого бастиона Петропавловской крепости: «Свободу Сахарову!» (1986, В.С. Хроменков).

Для диссидентского движения характерно появление литературы, не ориентированной на советскую цензуру. Среди ее создателей — писатель К.В. Успенский (арестован в 1960), поэт И.А. Бродский (арестован в 1964), М.А. Нарича (автор романа «Неспетая песня»; арестован в 1961), М.Р. Хейфец (автор предисловия к сборнику стихов Бродского; арестован в 1974), Д.Е. Аксельрод (автор романа «Братья Красовские»; арестован в 1982), поэт К.М. Азадовский (арестован в 1982). За изготовление и распространение «самиздата» и «тамиздата» были арестованы: группа Г.В. Давыдова — В.В. Петрова (1973), М.М. Климова (1982), М.Б. Мейлах (1983), Г.А. Донской (1983), М.В. Поляков (1983), Б.О. Митяшин (1984); вынуждены эмигрировать Е.Г. Эткинд (1976), Л.С. Друскин (1980), С.В. Дедюлин (1981) и др. (*Косинова Т.Ф., Флиге И.А. и др.* История террора в городе // НИЦ «Мемориал». Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://memorial-nic.org/history.html>. Дата обращения: 11.11.2011).

Оппозиция Ленинграда Москве была тождественна оппозиции официальной политике и официальной эстетике. Эту особенность города отметил С.Д. Довлатов: «Без труда и усилий далась Ленинграду осанка столицы. Вода и камень определили его горизонтальную помпезную стилистику. Благородство здесь так же обычно, как нездоровый цвет лица, долги и вечная самоирония. Ленинград обладает мучительным комплексом духовного центра, несколько ущемленного в своих административных правах. Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином» (*Довлатов С.* Ремесло. С. 87).

В настоящее время с изменением политической ситуации в России ленинградское диссидентство утратило смысл, и перед современным Петербургом встала проблема свободного выбора идеологии. Семиотики считают, что сегодня городу предложено две альтернативных идеологемы: московская — «Санкт-Петербург — культурная столица России» и европейская — «Санкт-Петербург — окно в Европу». Первая идеология предполагает развивать город в прежних, квазиимперских реалиях, возвращая его в то культурное пространство, в котором он вновь становится филиалом. Европейская идеологема, в свою очередь, может прочитываться и в обратном порядке: «Санкт-Петербург — это окно Европы в Россию», место европейской экспансии в азиатскую страну (*Дамберг С.В., Семенов В.Е.* Провинциальный город С.-Петербург). В этом случае идентичность С. г. п. с. артикулирована предельно четко: город обретает независимость от политических катаклизмов и социальной нестабильности, перемеще-

ния столиц и изменения их функций в системе государства. Иначе говоря, при таком самоопределении Петербург, как и любой другой С. г. п. с., не претендуя на возвращение ему столичности ни в полном объеме, ни частично (ср. бренд Петербурга — «духовная столица России»), освобождается от инерции навязанной ему провинциальности (филиальности) и сам определяет свою судьбу.

Лит.: *Вендина О.И.* Отражение преемственности и соперничества российских столиц в национальном сознании // География. 1998. № 36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geo.1september.ru/1998/geo36.htm>. Дата обращения: 11.11.2011; *Косинова Т.Ф., Флиге И.А. и др.* История террора в городе // НИЦ «Мемориал». Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://memorial-nic.org/history.html>. Дата обращения: 11.11.2011.

Е.Г. Милюгина

Т. О. Санникова

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИИ

Взаимодействие между столицей и провинцией очень часто определяют как диалог. Однако если не ставить знак равенства между коммуникацией и диалогом в культуре, то насколько возможна применимость последнего термина? Среди исходных позиций диалога, равенство субъектов, причем соравность во всех смыслах, взаимный интерес, взаимонаправленность и уважение. Всегда ли столица и провинция как два противоположных начала в политической, социальной структуре и культурных формах взаимодействуют диалогически? Каково соотношение в этих процессах взаимодействия стабилизирующих начал и динамики, новаций и традиций?

Для ответов на данные вопросы необходимо выделить два уровня анализа: «во-первых, общий для культурной жизни всех стран и всех эпох с тех пор, как развитие государственности породило различия между столичными центрами и провинциальными окраинами, и, во-вторых, специфически национальный, поскольку в разных странах — в частности, в России последние три столетия — отношение "столица — провинция" наполнялось особым смыслом, уяснить который необходимо и в интересах науки, и для ориентации практической деятельности» [9, с.16].

Появление государственных образований, начиная с истории древнего мира, если это не были города-государства, означало формирование центра — столицы, и окружающей территории, занимавшей подчиненное положение. При этом, чем более имперский характер но-